

Абалова Татьяна

Встретимся у
короля миров

Любовно-фантастический роман

Старые друзья съезжаются в дачный поселок на берегу моря. Еще в прошлом году они были подростками, а теперь не узнают друг друга. Мальчики превратились в мужчин, девочки в незнакомок, к которым страшно подойти. Но очень хочется. А «Старая мельница» живет своей жизнью: море, танцы, любовь, сплетни. Никто не догадывается, что это последние беззаботные дни. Завтра поселок окажется отрезанным от мира, и не все выживут. Смертельный туман, таинственные голоса и жизнь в неизвестности — вот с чем придется столкнуться героям любовно-фантастического романа «Встретимся у кромки миров».

Татяна Абалова

ВСТРЕТИМСЯ У КРОМКИ МИРОВ

*Первая любовь — это не первая и не последняя.
Это та любовь, в которую мы больше всего вложили
самих себя, душу, когда душа у нас ещё была.*

Александр Вампилов. Из записных книжек

Кира

В июне родители опять отправили меня на каникулы к бабушке. Она круглый год жила в дачном поселке на берегу моря и не хотела уезжать в город, сколько мама не звала.

— А ну, ее, вашу Москву, — в очередной раз говорила ба, — не нравится, суета одна. Нам и здесь жить расчудесно! Природа кругом. Правда, моя хорошая?

Это не ко мне обращалась бабуля, а к стоявшей рядом козе. Казалось, именно из-за Маньки она не хочет покидать поселок. Обе были упрямые и своенравные.

Мама вздыхала и садилась в машину, выкрикивая из окошка дребезжащего грузовичка, что довозил ее до станции, последние наставления. Мы с ба в один голос отвечали, — Если что случится, сразу будем телеграфировать!

Уже выучили за столько лет.

Раздолье! Солнце, море, песок! Я плавала, как рыба, а мальчишки с нашего поселка утверждали, что похожа на русалку, особенно, когда распускала свои косы. Это было мучением — просушить их после купания! Ба не разрешала ходить с мокрой головой, поэтому я поднималась в беседку, стоящую на возвышенности, расплетала косы, и пока они сохли, наблюдала за отдыхающими, читала книжку, а если собиралась подходящая компания, играла в домино или в карты.

Каждое лето в «Старую мельницу» съезжалась разношерстная компания, но с неизменным составом. Редко когда в наш удаленный поселок попадали чужаки. Встречаясь с друзьями, всегда было интересно посмотреть, насколько они изменились с прошлого года.

Мне было пятнадцать, и я по себе судила, как резко может поменяться тело. Из сорванца с облупленным носом, вдруг превратилась в девицу и не могла больше купаться в майке и трусах. По такому случаю мама сшила купальник из цветастого ситца. С чашечками.

Когда в первый раз вышла к морю и сняла сарафан, друзья пораженно замолчали. Да, я чувствовала себя красавицей, и встретила подтверждение в реакции друзей, особенно Ингмара.

Поймав его взгляд, смутилась, не увидев прежнего приятеля по детским играм. Это был юноша. Почти мужчина. Незнакомый мужчина.

Стало жарко от осознания, что он заметил, какой я стала. И Инга (так его однажды назвал двухлетний малыш и это сокращение прилипло к нему намертво) вдруг показался мне необыкновенно привлекательным. Почему раньше не замечала этот бархатистый взгляд, эту ямочку на подбородке, делающую его лицо мужественным, и эти обветренные губы, к которым захотелось прикоснуться? А эти темные волосы просто просили, чтобы их пропустили через пальцы. Я физически чувствовала, какие они на ощупь. Шелковистые,

прогретые солнцем...

— Привет, — сморозила глупость, ведь мы уже виделись. Почувствовала необходимость поздороваться с незнакомым человеком, только что обнаруженным.

— Привет, — как эхо, откликнулся Инга.

— Кира, ты идешь? — вырвала из ступора Галка, и потянула к морю.

Придя в себя, побежала следом, оглядываясь на друга, который так и остался на месте.

Море остудило, но не отвлекло. Я не слышала, что мне кричали, переживая заново этот взгляд, это охватившее чувство томления, ожидания чуда.

Поэтому я быстро вышла на берег и поискала глазами Ингу. Он был в беседке и, словно, ждал чего-то.

Что делать? Вести себя как раньше? Нет, не смогу. Он не прежний. И я только что изменилась. А как тогда?

Не найдя ответа, не решившись подойти, собрала с песка сарафан, сандалии и направилась в поселок. За спиной не услышала шаги, хотя, казалось, Инга должен был пойти следом.

Стало обидно, и я побежала. Мне хотелось плакать.

Ингмар

Кто это? Кира? Что с ней случилось? Откуда эти груди? Откуда талия, фигура? Хочу потрогать кожу. Должно быть бархатистая.

Рука потянулась, но вовремя одернул и сжал пальцы в кулак.

Дурак! Чуть не выдал себя.

Что она сказала? Привет?

Как эхо повторил, — Привет.

Не могу оторвать глаз. Почему раньше не видел, не разглядел? Не могу сойти с места. Хорошо, что в руках полотенце, иначе все увидели бы, как на нее реагирую. Нужно уйти в беседку. И не смотреть! Ну, вот опять! Вышла из воды. Сейчас подойдет? Нет, нельзя. Заметит, будет смеяться! Что со мной?

Кира

До вечера провалялась в постели. Ба заглядывала, решила, что я заболела. Пришлось встать — нужно было ей помочь. Натаскала воды из колодца, почистила картошку, потом морковку, тут же отгрызая от нее сочные кусочки, и вдруг получила по рукам полотенцем.

— Что с тобой? — изумилась ба, — Посмотри, как картошку почистила!

Действительно, обнаружила, что на клубнях кое-где осталась кожура. Я взялась было исправить, но ба опять всплеснула руками:

— А морковка?

Посмотрела в чашку с морковкой, та лежала впережку с ботвой, часть была в мусорном ведре.

— Иди, горе, сама справлюсь.

Поплелась в сад, села в гамак и оттолкнулась ногами. Мир качнулся в ответ.

Что со мной? Откуда это томление? Почему не могу забыть взгляд Ингмара? Хочу увидеть его и боюсь.

— Кир, на танцы идешь? — это Галка, перевесилась через изгородь, пытаясь достать зеленое яблоко.

— Гала, брось яблоко, живот заболит, — бабушка выглянула в окно, — проходи, что за забором маешься?

Нашей Галке очень подходило имя. Она была худенькой, как тростинка, смуглокожей (загар не сходил даже за зиму), черноглазой и с копной темных непослушных волос. По случаю танцев, она надела белый сарафан, а волосы старательно завилла и уложила. Сверху повязала атласный бант, который отделял челку от кудрей. Было красиво!

— Слушай, ты видела, как изменился Инга? — плюхнувшись рядом, сказала Галчонок. В гамаке стало тесно, мы, словно сиамские близнецы, прилипли друг к другу.

— Платье помнешь, — откликнулась я, не зная как ответить на этот простой вопрос, не выдав себя.

— Точно! — выбралась из гамака подруга и стала разглаживать складки сарафана, — Как ты думаешь, он будет на танцах? А захочет меня пригласить? Я красивая? Могу ему понравиться? А если сама приглашу?

По частоте задаваемых вопросов было понятно, что ответ Галке не нужен. Расправившись, наконец, с платьем и перестав крутиться, наклонилась ко мне.

— Потрогай мои волосы! Потрогай — потрогай!

Я осторожно взяла прядку. Поморщилась. Волосы были жесткие и липкие.

— Что ты с ними сделала?

— Это сладкая вода. Ложка сахарного песка на стакан воды. Локны будут долго держаться, так наши девочки в школе делают. Или на пиво можно накручивать, но правда, потом им голова воняет. Главное — волосы не трогать. Красиво, да?

Я согласилась. Главное — их не трогать.

Галчонок заразила меня своим энтузиазмом, и мы пошли выбирать наряд. Это было голубое в белый горошек платье. Вплела ленты и уложила косы в «корзинку». Повертелась перед мутным зеркалом. Ба одобрительно посмотрела, заставила выпить по стакану молока и отпустила на танцы. Смеясь, и передразнивая друг друга, взявшись за руки, мы побежали в сторону моря.

*Городок провинциальный, летняя жара,
На площадке танцевальной музыка с утра.
«Рио-Рита», «Рио-Рита», вертится фокстрот,
На площадке танцевальной сорок первый год.*

*«Рио-Рита» слова Геннадия Шпаликова, музыка Сергея
Никитина*

Кира

Недалеко от беседки была ровная площадка, освещаемая единственной лампочкой, но отсутствие яркого света делало танцы волнительными. Звуки аккордеона, смех, голоса, подпевающие знакомые мелодии, создавали праздничное настроение.

Аккордеонист лихо выводил «Рио-Рита», на площадке царил фокстрот. Весь поселок вечером собирался здесь. Родители танцевали, молодежь заучивала следом нехитрые па, дети бегали, путаясь под ногами. Доковылявшие старики чинно усаживались на отполированные задами бревна, и критиковали нынешние танцы.

— Вот раньше, помнишь, как Петро отплясывал цыганочку? Нынче такие колена никто и не сможет повторить, — заявлял дедок, палочкой отпихивая чью-то собаку.

— Да, я сам, когда с флота списался, тоже показывал, как танцевать матросский танец, а сейчас разве правильно его исполняют? Халтура! — вторил другой, как бы невзначай, задев проходящую мимо бабенку по заду, за что получил по шаловливым рукам.

— Песок сыплется, а все туда же! — обругала молодуха.

Старики засмеялись, закашляли, закряхтели. Развлекаются. За этим и таскались сюда.

Мы с подругой пробирались к своей компании, обычно располагавшейся в дальнем углу у дерева. Все уже были в сборе, поэтому приветствовали нас радостными криками. Один Ингмар стоял спокойно, я сразу на него внимание обратила, он был выше других на голову. Заметила не только я. Галка, высвободив руку, подлетела к нему и потащила в круг. Ингмар, растерявшись от такого напора, повелся и вскоре рука Галчонка располагались на его плече, а ее довольное лицо было поднято, чтобы смотреть в глаза понравившемуся парню.

Сердце защемило. Изнывала от желания оказаться на ее месте. Галка симпатичная девочка и могла рассчитывать на взаимность, но мне было плохо только от одной мысли, что Инга выберет ее. Откуда это чувство? Ревность? Почему еще вчера не думала об этом парне, а сегодня готова ударить давнюю подругу, только за то, что она позволила себе положить голову ему на грудь?

Отвлек Паша, бабушкин сосед, пригласив на танец. Его жена должна была вот-вот родить и сидела рядом со стариками, кутаясь в шаль, хотя с моря дул не холодный ветер.

— Ну, что Кира-мира? Как она, Москва-то?

— Стоит, что ей делается.

— А люди что говорят? Война будет?

— Не, не будет.

— Это хорошо! — крикнул Паша и закружил меня в танце.

Ингмар

Где же она? Уже все собрались. Неужели не придет?

Целый день не мог успокоиться. В море просидел час. Только, когда пацаны предложили плыть наперегонки, отвлекся. С такой мощью рубил воду руками, что пришел в себя, когда оставил финишный ориентир далеко за спиной. Назад шел по берегу, думал о Кире, о ее фигуре, грудях. Зря вспоминал. Полотенца с собой не было, пришлось опять зайти в море. Сколько это мучение продлится?

Утомленный насыщенным утром, уснул за столом на середине разговора с отцом. Так и не понял, он собирается уезжать двадцать второго июня или второго июля, когда закончится отпуск? Я здесь оставался с теткой на все лето.

— Ингмар, ты не заболел? — отец потрепал по плечу.

— Устал, — не разлепляя глаз, сказал я, и перебрался со стула на диван, спугнув теткин кошку. Накрыл голову подушкой и задохнулся, от того, что ясно увидел перед глазами Киру в купальнике.

— Чего он стонет? — слышался голос тетки. Она столько лет живет здесь, а акцент так и остался.

— Перекупался. Мышцы болят с непривычки, наверное, — звякнул чайной ложкой отец.

К дивану подошел Дик, сунул холодный нос ко мне в ладонь. Потер его большим пальцем, потом почесал между ушами. И отключился.

Проснулся, когда уже стемнело. Со стороны моря было слышно, как аккордеонист тренирует пальцы, выдавливая из инструмента обрывки мелодий. Сегодня танцы, она там будет! Не может не прийти, раньше всегда приходила! Кинулся к умывальнику, но в нем было пусто. Вспомнил про корыто, куда тетка собирает дождевую воду, с наслаждением засунул в него голову. Держал до тех пор, пока не заболели легкие. Помогло. Спокойно оделся. Выбрал белую рубашку, подарок мамы. Пятерней расчесал волосы, крикнул своим, что вернусь поздно и побежал к нашему дереву.

Потом увидел ее. Они шли с Галкой, держась за руки. Детский сад.

Что сказать, когда подойдет? Сразу пригласить или сначала с другими потанцевать? Нет, с ни с кем больше не хочу. Мне нужно почувствовать под руками ее тело, это стало наваждением!

Подлетела Галка и выдернула из раздумий, потянув к танцующим. Успел увидеть растерянный взгляд Киры. О чем думает?

Что говорит Галчонок? Ничего не понимаю, не задумываясь отвечаю «да-нет», то ли попадаю по смыслу, то ли ей не нужны ответы. Как еще получается танцевать? Галка прижала свою голову ко мне, рубашка сразу прилипла. Мне жарко. От того, что Галка горячая или потому, что Павел обнимает Киру? Ему жены мало? Сидел бы рядом, на бревне. Что со мной? Почему хочется его ударить?

Кира

Отзвучало «Утомленное солнце» и Паша повел меня к нашим, но я, освободив руку и кивнув ему, что сама дойду, стала пробиваться через толпу. Тут в меня вцепилась Галка и потащила в сторону. Я оглянулась, хотела увидеть Ингмара, но не различила его среди людей. А подруга тянула и тянула, откуда в пигалице столько сил? Наконец, заведя меня за щит с изображением поезда, следующего до станции Коммунизм, она запрыгала на месте от переизбытка эмоций.

— Кирюха, я счастлива! Он признался, что я ему нравлюсь и обещал встретиться после танцев, и позволил положить голову на плечо, а сердце его тааак стучало!

Эти слова ударили хлыстом! Почему так произошло? Я же видела, как он смотрел! Или не на меня? Всего лишь на купальник — мелькнула догадка. В животе что-то скрутилось в болезненный узел.

А Галя кинулась обнимать меня, грозя задушить. В своем счастье не различила мою нерадостную реакцию, продолжая тормошить и смеяться.

— Я пойду домой, Галь. А ты оставайся. Мне надо. У меня болит... живот.

Подруга не стала отговаривать, ее же ждал Инга, и пообещав всем объяснить, что у меня разболелась голова, она убежала на танцплощадку. А я села на песок, опустила голову. Непрошенные слезы наполнили глаза. Вытерла их ладонью. Черт, рука в песке. Размазала грязь по лицу!

Страшно расставаться с иллюзиями! Больно понимать, что парень, который нравится, любит другую! Как мог стать настолько дорогим человек, если знала его один день? Да, один день! До этого помнила как мальчишку, друга, который учил плавать и ловить рыбу, позволял играть со своей собакой, нес на спине, когда крючком распорол себе ногу и кровь текла так, что его майка, использованная вместо повязки, набрякла и идти не было никакой возможности. Непроизвольно пощупала этот шрам выше колена.

Стало неприятно осознавать, что сижу здесь, за щитом, в красивом платье, вся в песке, с грязным лицом. А если кто-то пройдет мимо?

Нехотя поднялась и побрела к морю умыться. В босоножках было неудобно ступать по песку, поэтому сбросила их. Задирая платье, не желая намочить подол, вошла в воду. Волна обрушила вихрь песчинок, но тут же откатилась. Чтобы умыть лицо продвинулась еще на пару шагов, балансируя одной рукой, боясь упасть.

*В парке Чаир распускаются розы,
В парке Чаир расцветает миндаль,
Снятся твои золотистые косы,
Снятся весёлая звонкая даль.*

*«В парке Чаир распускаются розы» Автор текста: Арский
П. Композитор: Листов К.*

Ингмар

Куда она делась? Павел возле жены, помогает встать. У дерева почти никого нет, там только близнецы охмуряют какую-то блондинку. Заиграли вальс-бостон и народ хлынул на площадку.

Стал искать ее среди танцующих. Меня хлопали по плечу, что-то говорили, но видя мое невнимание, отстали. А Киры нигде нет. Вот появилась Галка, тоже озирается. Смотрит в мою сторону, машет рукой. Радуетя чему-то. Черт, опять идет ко мне? Прятаться, быстро! Она отказов не понимает.

Пошел в сторону моря, в беседке услышал голоса, звук гитары, смех. Нет, там взрослые и нет никого в светлом платье. Оглянулся, по пустынному пляжу к кромке воды брела Кира. Безвольно висящие руки, опущенная голова. Всхлипывает. Кто обидел? Кира снимает босоножки и вступает в воду. Еще пара шагов и волна собьет с ног. Забыла, как опасно море ночью?

Кира

Черная волна подошла незаметно и окатила меня по пояс, чуть не опрокинув. Отлично! Мало того, что лицо грязное, еще и в мокром платье! Как пройду по улицам поселка? Да и ба ругаться будет.

Вдруг сзади меня обхватили и потащили на берег. Крепкие руки не давали возможности нормально дышать.

От испуга вскрикнула и стала вырываться, дрыгая ногами, пытаюсь пнуть.

— Пусти, гад!

Следующая волна свалила, накрыла и потащила по камешкам. Захлебываясь, барахтаясь, запутываясь в чужих руках, ногах, попыталась встать, но еще одна волна ударила сзади и я оглушенной рыбкой полетела на берег.

Рядом тут же повалился парень.

— Дура, — сказал он, отплеываясь и пытаюсь восстановить дыхание, — жить надоело?

Это был Ингмар. Рубашка растянулась, выправилась из штанов, скрутилась за спиной и держалась только на рукавах. Да, красавец...

Посмотрела на себя. Мокрое платье задралось, обнажив меня до трусов. Постаралась

натянуть, но ткань плохо расправлялась.

Застонала от бессилия.

— Я только умыться хотела, — лепетала, пытаюсь найти конец подола.

Инга хмыкнул, — Здорово получилось.

Поднялся и протянул руку, помогая встать. Осмотрел меня, повертев туда-сюда. Я согнулась, стараясь стать меньше. Платье было испорчено, своими рывками я окончательно разорвала его и теперь ощущала себя голой.

От стыда готова была расплакаться, но тут почувствовала — на плечи мне набросили что-то мокрое. Это Ингмар снял рубашку и старательно расправлял, чтобы могла просунуть руки.

— Пойдем в обход, — сказал он, наклонившись за моими босоножками. Помог надеть и застегнул. Вздохнув, взял меня за руку и повел в другую сторону от танцплощадки, в темноту, подальше от людей.

— Куда мы идем?

— Мы зайдем в поселок с другой стороны, там ближе к твоему дому и меньше людей.

— Через старую мельницу?

— Да. Почему плакала? Тебя кто-то обидел?

— Нет. Песок в глаза попал, — почти не соврала я.

Мельница чернела на фоне звездного неба, ее руки-крылья покачивались от порывов ветра, который, благодаря рельефу местности, дул постоянно. Шелестела вода в реке, тянуло сыростью.

— А ты слышал сказку про мельника? — чтобы убить молчание, произнесла я.

— Это который ведьмаком был?

— Угу. Мне бабушка в детстве рассказывала, не хотела, чтобы я на мельницу ходила. Я верила.

Ингмар покачал головой, — Глупости. Твоя бабушка не хотела, чтобы ты в речке купалась, здесь омуты есть, враз на дно уйдешь. Меня однажды чуть не закрутило, еле выплыл. Спасибо близнецам, помогли.

Опять помолчали. Через некоторое время Ингмар заговорил, — Расскажи сказку, я давно слышал, уже подзабыл.

— Сто лет назад жил был ведьмак, который дружил с чертом, — с готовностью начала я, — И помогали они друг другу в делах черных, на крови и душах людских замешанных. Для этого заманивали грибников-ягодников в глухой лес пением чудесным. А как приближались те к месту, откуда голос красивый слышался, раздавался гром и появлялся ведьмак, который накрывал бедняг густым туманом. Больше их никто не видел, ни живыми, ни мертвыми. Только один маленький мальчик смог убежать, потому как глухим был и чарам не поддавался. Дома рассказал он о колдовстве, творимом в лесу, вся деревня, вооружившись вилами и косами пошла ведьмака изводить. Шли они, шли и вышли на большую поляну, глядь, а им навстречу шар-молния летит. Все замерли, даже дышать боялись, но один мужик не выдержал, ткнул ее вилами. Вспыхнул шар ярким пламенем, гроыхнул громом страшным и накрыл людей туманом. А когда ветер туман развеял, на поляне никого не оказалось, только деревья, огнем опаленные. Рассказали эту историю царю мальчик глухой, да его мама. Они одни в живых остались, потому как отстали от разгневанных жителей. Послал царь войско свое. Весь лес пожгли, а ведьмака так и не нашли. Шли годы, мальчик вырос, стал купцом зажиточным и повез он свой урожай на мельницу, а там новый мельник.

Зерно мелется, а мельник вокруг купца ходит, да недобро на него поглядывает. А тот взгляделся, да обомлел! Это же ведьмак пропавший! Захотел он из мельницы выскочить, а тут гром страшный бабахнул, все ворота-двери ветром захлопнуло, да густой туман на мельницу опустился. Сбежался народ посмотреть, что так гроыхнуло, но в мельницу попасть не смогли. А как туман развеялся, ворота сами открылись. Вошли мужики, кто посмелее, а внутри никого нет. Жернова работают, мука сыплется и ни души! Только хохот далекий эхом разносится! Испугались крестьяне, заколотили мельницу крест на крест и стороной ее обходить стали. А кто близко подходил, слышался им хохот ужасный, да пение жалобное. Никак ведьмак с чертом развлекаются! Не зря в народе говорят, что мельники завсегда с чертом дружат.

Рубашка почти высохла, но платье и мокрые косы на спине неприятно холодило кожу, я начала дрожать.

Обхватила себя руками, но это не помогало. Зубы начали выстукивать дробь. Ингмар посмотрел на меня и, взяв за руку, повел к мельнице.

Я не поняла, поэтому спросила, — Зачем?

— Ты должна снять с себя платье и отжать волосы, — спокойно объяснил парень.

Чего мне бояться, сказки все про черта с мельником, да и Ингмар рядом, так успокаивая себя, зашла в помещение. Пахло мышами и прелым сеном. Ингмар исчез в темноте, зашуршал коробком со спичками, чиркнул и тут же вспыхнуло слабое пламя свечи, осветившее его лицо.

Нереальное зрелище. Волнительное. Хочу уйти, убежать отсюда и не могу сделать ни одного шага.

— Мы здесь часто бываем, рыбачим, иногда с ночевкой, поэтому есть заначки. Раздевайся, вот мой дождевик и полотенце, оно небольшое, но другого нет.

И он сунул мне в руки сверток. Поставив рядом свечу, вышел на улицу.

Прислушалась к удаляющимся шагам и стала снимать мокрые вещи. Было неприятно, косы ледяными змеями ударили по голой спине. Дрожа уже всем телом, быстро-быстро отжала волосы, намотала на голову полотенце и надела плащ. Трусы снимать не стала, вот еще! Переживу. Взяв свечу и подняв с пола рубашку, двинулась к выходу.

Ингмар сидел у порога и смотрел на черную воду. Свеча от ветра сразу затухла. Парень поднялся и, натягивая рубашку на себя, спросил:

— Так лучше? — дождавшись моего кивка, продолжил, — Согрелась?

— Нет пока.

Он просто шагнул и крепко обнял.

Боялась пошевелиться. Было приятно оказаться прижатой к его телу. Потихоньку перестала трястись, а он, почувствовав это, погладил по спине и скомандовал:

— А теперь бегом!

И мы побежали. Вскоре появились огни поселка, перелезли через пару штакетников и оказались в моем дворе. Патефон пел «В парке Чаир распускаются розыбы». Бабушка с двумя соседками пила чай на веранде, поэтому Ингмар отступил в тень и исчез, а я пошла к своему окну, решив забраться через него.

Когда ввалилась в комнату, зажегся свет. У двери стояла ба с ухватом, за ее спиной соседки. Одна была вооружена крышкой от самовара, другая вилкой. Немая сцена.

Сплетник, в отличие от свидетеля, знает все подробности.

Александр Кумор

Ингмар

Шел домой и думал о Кире. Красивая, доверчивая. Обнял и сразу почувствовал, что так и должно быть. Хочу защищать, заботиться, любить. Быть рядом.

— Откуда ты такой? — Галка подозрительно осмотрела меня, — Я тебя искала. Танцы уже кончились, ждала в беседке, а ты не пришел. Обещал и обманул.

— Я не мог.

Как ответить, если не помнишь о свидании? Откуда она это взяла?

— А сейчас можешь? Пойдем, там наши собрались. Коля гитару у отца взял, знаешь, как душевно поет!

— Сейчас не получится.

— Переодеться надо? Я подожду. А потом ты расскажешь, что случилось, да?

— Прости, не сегодня. Устал. А ты иди.

Галка поджала губы. Не стал ждать упреков, махнув на прощание рукой, поспешил домой. Не буду думать о ней, пусть обиделась, мне сейчас не до друзей.

Навстречу шли люди. Кто пел, кто продолжал танцевать. Мальчишки тащили аккордеон, уставший музыкант плелся рядом. Было видно, он уже выпил. Его жена, вцепившись в руку хваткой конвоира, отчитывала провинившегося, не стесняясь окружающих.

Меня встретил Дик, кинулся с веселым визгом, стал прыгать, прихватывая зубами ладонь. Это он так просил ласки. Бедный пес, сегодня не ходил с ним на прогулку, а ему нужно бегать, чтобы быть в форме. Овчарки должны быть поджарыми.

— С ним отец погулял, — тетка сидела в кресле-качалке и гладила кота, который пригрелся у нее на коленях. Рыжий лениво поднял голову, но не увидев ничего интересного, опять вложил ее в руки хозяйки.

— Откуда ты такой? — повторила она Галкин вопрос.

— В море упал.

— И как водичка?

— Соленая.

— Есть будешь?

— Нет, спать.

— Искупайся сначала. Отец воды натаскал.

Мне стало стыдно. Сегодня целый день был занят переживаниями и забыл о своих обязанностях. Здорово Кира вышибла меня из седла!

Кира

— Кира, как это понимать? Почему в окно? Что на тебе надето? — ба подошла, когда я

поднималась после неудачного падения. Слетело полотенце, открыв пук спутавшихся волос. Она взялась за край дождевика и тот распахнулся. У двери обе соседки охнули.

Я посмотрела на себя. Голое тело, грязные трусы, кровоподтеки на ногах от камней, по которым меня валяла волна.

Ужас. Что они подумают?

— Ба, я все объясню!

Бабушка обернулась к товаркам, те стояли, переглядываясь и прикрывая рот руками в деланном ужасе.

— Ничего такого! Я была с Ингой...

Договорить мне не дали, старухи закудахтали и попятились. Потом, наскоро распрощавшись с бабулей, вышли на улицу.

Я стояла ни жива, ни мертва. Что сейчас будет? Ба расстроилась. Соседки всем кости моют, а тут лакомый кусочек поднесли. Еще забралась в дом через окно, дура! Хотела как лучше.

Ба не возвращалась. Пошла искать. Она была в своей комнате, сильно пахло валерьянкой.

Я испугалась за нее, затараторила, стараясь быстро выложить свои приключения: от нечаянного купания в море до переодевания на мельнице.

Тут заметила тень — возле открытого окна кто-то был, но когда высунулась, увидела только качнувшиеся ветки жасмина. Ба устало села на кровать, я возле нее и крепко обняла.

Тревожно. Знала, что не совершила ничего предосудительного, но было очень неприятно. И зачем при старухах упомянула Ингмара?

— Ба, что теперь будет? Может пойти и сказать всем, что, честное комсомольское, ничего плохого не было?

Ингмар

Утром разбудили возбужденные голоса. Отец был зол, тетка уговаривала сначала разобраться.

Что случилось? Сон как рукой сняло.

Успел только подняться и одеть бриджи, как дверь в комнату распахнулась, и у порога появился отец. Руки были сжаты в кулаки. За спиной стояла тетка и держала его за плечи. Как будто могла остановить!

— Где. Ты. Был. Вчера.

Ого! Отец в крайней степени ярости.

— На танцах.

— Не придуривайся, ты прекрасно понимаешь о чем я! После танцев. Я видел твою одежду.

— Помог Кире, ее сбила волна. Я вытащил.

— А потом?

— Домой пошли.

— Не ври! Ее разорванное платье нашли на мельнице! Почему она пришла домой голая и вся в синяках?

От нелепости ситуации у меня пропал голос. Вовремя. Сейчас лучше промолчать. Чтобы

не говорил, испорчу положение еще больше. Надо чтобы отец успокоился и смог трезво рассуждать.

Кто довел его до белого каления? Откуда ужасные домыслы? Собравшись с духом, произнес:

— Папа, я все объясню. Только не сейчас. Сначала должен увидеть Киру.

— А вот этого не будет! Запрещаю подходить к ней!

Взяв себя в руки, отец продолжил:

— Сейчас я еду на станцию купить тебе билет. Двадцать второго уезжаем домой.

Вместе. Каникулы закончились.

Развернувшись и чуть не опрокинув тетку, он вышел на улицу. Там стоял велосипед, который отец вывел за калитку, буркнув что-то резкое соседям, облепившим забор.

Сел на кровать и беспомощно посмотрел на тетку.

— Что случилось?

Кира

— Иди мойся, болячки твои зеленкой намазать нужно. Воды нагрей!

Это она уже вдогонку кинула. Как была — в дурацком дождевике, поставила на огонь бак, приготовила таз, мыло и стала распутывать волосы. Вода почти закипела, когда у двери раздался стук. Не стала выходить, хватит, все, что ненужно уже показала. Ба кряхтя и вздыхая дошла до двери.

Там стоял дядя Иван. Он был главным в нашем поселке. Ба молча смотрела на него.

— Пелагея, — кашлянул тот, провел рогаткой пальцев по усам, — я все знаю. Надо в милицию обратиться. Пусть Кира не моется, так поедет. В районе ее осмотреть должны. Собирайтесь. Сейчас машина подъедет.

Я стала открывать дверь, чтобы разубедить его, но бабушка с силой захлопнула, чуть не прищемив мне нос. Вжавшись в косяк, где была небольшая щель, попыталась рассмотреть, что происходит, но кроме бабушкиного платка в поле зрения ничего не попадало. Прижалась ухом и расслышала, строгий голос ба:

— Никуда Кира не поедет. Не было ничего.

— А разве сынок Боргманов не снасильничал? Парни на мельницу сбегали, доказательство нашли — платье разорванное. Его сегодня на внучке твоей видели. Как в район съездим, заявление напишем, мальчишку заберут.

— Ты, Иван, русский язык хорошо понимаешь или тебе на лапландском сказать? Ничего не было. Кира в порядке. Ингмар ее спас, когда тонула. Все. И остальным скажи, чтобы зря языками не мололи.

— Как хочешь, Пелагея, как хочешь. Но зачем парня покрываешь? Или замысел какой есть?

— Не заставляй меня, Иван, хватать. Иди. Сам не болтай и другим накажи.

— На каждый роток не набросишь платок.

Было слышно, как ба закрывает дверь на засов. Появилась на пороге кухни и посмотрела в мои несчастные глаза:

— Не бойся, Кирюша, отобьемся.

Я облегченно вздохнула и обняла свою любимую бабушку.

— А телеграфировать маме будем? — на всякий случай поинтересовалась.

— Причина есть? — резонно спросила ба, — Нет? Значит не будем.

Закрыла окно, занавесила его и стала помогать снимать дождевик, а потом долго мыла меня в тазу.

Чистая, измазанная зеленкой, засыпала на кровати, только что застеленной хрустящими от крахмала простынями, измученная прекрасно начавшимся и нелепо завершившимся днем моей первой любви.

*Парень кудрявый,
Статный и бравый,
Что же ты покинул нас?
Следом мы ходим,
Взоров не сводим
С карих и лукавых глаз!
Ну, постой, погоди,
Молодой паренёк.
Ведь в тебе мы не чаем души!
Ты с одною из нас
Погуляй хоть денёк.
Разве мы не хороши?!*

Парень кудрявый (1938 г.) Музыка: Г. Носов Слова: А. Чуркин

Кира

Проснулась утром от неясного шума на улице. Будто гудел рой растревоженных пчел. Белая занавеска поднималась и опадала от легкого дуновения ветра, от чего косые солнечные лучи освещали комнату, как стоявший в соседней бухте маяк: свет то слепил глаза, то затихал.

Зашла бабуля и нервно закрыла окно, потом тщательно расправила занавески, будто боялась солнца. Поймав вопросительный взгляд, буркнула:

— Так надо. Не подходи к окнам.

И без объяснений покинула комнату.

Стало любопытно: что происходит на улице?

Почему-то на цыпочках подошла к окну и, словно шпионка какая, чуть отодвинула край белого ситца. Забор облепили люди. Лица неприветливы. Но это же соседи, которых знала с детства! Встретившись взглядом с одним из мальчишек, который тут же стал показывать пальцем, отпрянула, будто могла схлопотать пулю в лоб. Ноги не держали, уселась на пол.

Не понимаю, что этим людям нужно? Какая причина заставила их собраться?

Было слышно, как закрываются остальные окна. Собралась держать круговую оборону? Скрипнули половицы, ба стояла за дверью, но почему-то не заходила. Не вытерпев этого ожидания, позвала ее.

Голос отказал, стал высоким и получилось особенно жалобно:

— Бааа, бааа...

Она резко открыла дверь, но замерла, не увидев меня. Когда я поднялась, бабушка крепко обняла, стала похлопывать по спине, утешая:

— Все будет хорошо, деточка. Пройдет время, и они успокоятся.

— Ба, да что же случилось? Почему они здесь?

— Посмотреть пришли.

— На меня?

— Нет, на нашу дверь.

— Зачем?!

— Ее кто-то ночью испачкал. Отмыть не получается.

— Как испачкал? Зачем?

— Дегтем.

Я ждала ответа, но она молчала.

Освободившись из объятий, посмотрела ей в лицо. В светлых, выгоревших от времени глазах, стояли слезы. Ба вытерла их кончиком платка, вздохнула:

— Давай сядем.

Обхватила мои ладони и всхлипнув, заговорила:

— Расскажу одну историю и ты все поймешь. Это давно случилось, еще до твоего рождения. Помню, месяц май был, Тамара школу заканчивала. В поселке появился молодой человек. Всем он был хорош: статный, красивый, обеспеченный — приехал на блестящей машине. Местные ребята такую впервые увидели, облепили всю. А он искал, где можно остановиться на неделю. Иван указал на мой дом — только недавно побелила, нарядно выглядел в цветущем жасмине. А почему не пустить постояльца? Мы с мамкой твоей вдвоем жили, комната свободная есть, да и подспорье денежное не помешало бы.

Бабуля замаялась.

— В общем, не уследила я. Любовь у Владимира с Томой приключилась. И об этом узнала не сразу, а вот через такую, вымазанную дегтем, дверь. Доказательства любви вскоре стали видны всем. Поползли слухи, что Владимир пошалил и бросил, мол у него в Москве другая есть, покрасивее будет, и та краля вот-вот приедет и все лохмы дочке моей выдерет. И пятно на двери обновлялось каждую ночь. Что с дочкой тогда происходило, страшно вспомнить! Из дома выйти боялась, чтобы не встретить осуждение. Могли плюнуть, словом недобрый обозвать или взглядом нехорошим ожечь.

Ба, вспоминая былое, опять стала вытирать слезы. Что за кулемы мы с ней такие? Чуть что — реветь. Но из ее рассказа поняла, почему мама не любила сюда приезжать! Только оставит меня и тут же назад! И не догадывалась, что у родителей так все непросто начиналось.

— А дальше, ба, дальше! Мама мне ничего о тех днях не рассказывала!

— Ей неприятно, да и мала ты еще, чтобы такое узнать... В общем, затворницей мама стала. Но в один прекрасный день на исходе сентября у дома опять остановилась машина. Из нее вышли статный мужчина с дамой и направились напрямиком к крыльцу. Соседей набежало не меньше, чем сейчас. Всем стало любопытно, что происходит. Мы пекли как раз. Обе в муке, мама живот фартуком прикрыла, чтоб по столу не елозил, не пачкался. Вот в таком виде и вышли к неожиданным гостям.

— Ба, это же мои московские бабушка с дедушкой были!

— Да, Киреньш, они. Пока все на эту пару пялились, из машины показался твой папа, открыл багажник и вытащил букет из ста белых роз.

— Из ста? — восхитилась я. Бабуля кивнула.

— Так много их было, что потом не знала куда расставить.

Ба, прикрывая рот тем же концом платочка, заулыбалась. Мои губы в ответ счастливо растянулись. Обнялись, забыв, что происходит на улице, заново переживая замечательный

момент из жизни нашей семьи.

— Дальше, ба, дальше!

— Стоим мы на крыльце все в муке, напротив эта красивая пара и смотрим-разглядываем друг друга. Как Володя подошел, у Томочки глаза засветились. Но опомнилась вдруг, что в муке вся, подняла фартук лицо обтереть. Тут москвичи просто застыли, а дочка, засмушалась, хотела в дом кинуться. По улице ропот понесся, все ждали, что же будет...

Она вздохнула. Я тоже перевела дыхание, совсем забыла, что дышать надо!

— Ну, ба, ну же!

— А Володя цветы из рук выпустил, все розы по земле веером рассыпались. На колени перед Томой упал, живот руками обнял, да голову на него положил, словно услышать тебя пытался! Мама застыла, нерешительно за вихры его потрепала, а он заулыбался и такой счастливый в этот момент был, что все бабы вокруг заплакали. Да что говорить, мужики тоже спешно слезу стряхивали. Родители Володи растрогались, подошли и стали обнимать-целовать молодых. Вечером мама с ними уехала. В Москве свадьбу справляли, у нас делать не стали. Не достойны люди, что на маму косо смотрели, с ней за одним столом сидеть. Я так решила. Обидно, что все повторяется. Запомняли соседи урок — за любовь наказывать нельзя! Не знаю, что теперь делать? Телеграфировать маме, чтобы забрала? Приедет, увидит дверь, старые обиды всколыхнутся, и не отпустит больше сюда! Может, как эгоистка рассуждаю, но не хочу уезжать, особенно сейчас. Чувствую — здесь мое место!

Задумалась. И вправду, что делать? У мамы тогда надежда была, что все устроится. Она получала письма, в которых папа объяснялся в любви и обещал приехать за ней. Так и писал, верь мне, жди! Я читала, мамочка показывала. А ей, оказывается, непросто было, в животе я уже сидела! И бабушку жалко.

— Останусь. Не надо телеграфировать. Я правая, мне бояться нечего. Только надо с Ингой встретиться, узнать, что с ним происходит.

Ингмар

— По поселку ползут слухи, что ты был вчера с Кирой, — тетка смотрела мне в глаза, выискивая ответную реакцию на слова.

— Я был, но...

— Одни говорят, что ты ее изнасиловал, другие опровергают...

— Хоть кто-то умный!

— Другие опровергают, уверяя, что она спровоцировала тебя неподобающим поведением.

— Скажи, Марта, ты сама веришь этому?

Она, конечно, не верила. Опустила глаза и почти шепотом произнесла:

— Кто-то вымазал дегтем дверь Киры.

Задохнулся от несправедливости.

— Сейчас я должен быть с ней! Отпусти меня!

— Ты не понимаешь, в каком положении оказался! Иван верит, что они покрывают тебя, пытается убедить написать заявление в милицию! Говорит, есть улики! Видишь, до чего дошло? Обвиняют не разобравшись! Правильно отец решил увезти тебя.

— Марта, прошу, сходи к ней! Объяснись, успокой.

— Ингмар, забудь! Ты скоро уедешь, сплетни утихнут. А сейчас ни шагу за дверь. Не зли отца.

Застонал от бессилия. Ну как не понимает! Не смогу забыть. Я... люблю Киру! Осознания этого, в голове прояснилось и пришло очевидное решение. Надо бороться!

*Кто уверен в себе, тому чуждо чувство страха.
А так как предающийся печали испытывает также страх, то
отсюда следует, что храбрость с печалью несовместима.*

Цицерон Марк Туллий

Кира

— Ба, а что будем делать с дверью?

— Соскрести сейчас бесполезно, опять намажут. Поэтому простыню наброшу. Днем не подойдут, побоятся — я с лопатой у двери встану. А до ночи что-нибудь придумаем. Ну, что Кирюха? Повоюем?

— Повоюем!

После чашки чая, которую выпила с удовольствием из-за поднявшегося настроения, пошла выбирать одежду.

— Ты куда собралась? — ба внимательно следила, как я вытаскиваю из шифоньера сатиновые штаны и майку.

— К Инге схожу. Видишь, специально шаровары надеваю, чтобы удобнее было по заборам лазить. Беднягу закрыли, наверное. Иначе давно бы здесь был. Я его с детства знаю.

— А теперь взрослая, что ли? — усмехнулась бабуля, помогая заправить майку.

— Теперь взрослая. Со вчерашнего дня, — прыгая на одной ноге, сообщила ей, — Куда подевался второй? Не видела?

Ба подпихнула ногой сандалик.

Скрутив косы в тугую баранку, нацепила панаму.

— Хороша! — протянула бабушка, — Ты действительно на войну собралась?

— Ага! Ну, раз ты лопату себе оставляешь, можно я ухват возьму? — с удовольствием посмотрела, как у нее открылся от удивления рот.

Прошла на кухню, подцепила ухват, потрясла им, как копьем, и двинулась к выходу. Оглянувшись на застывшую бабулю, подмигнула и открыла настежь дверь.

— Ну, кто смелый! Подходи!

Ингмар

Тетка была гренадерского роста. В нашей семье все немаленькие. Порода такая. Викинги! Поэтому, улучив минуту, когда Марта вышла во двор покормить кур, проскользнул в ее комнату. Не знаю, здравая эта мысль или нет, но попробовать стоит.

— Так и знала, что тебя не удержать. Смотри, будет отец меня пытаться, скажу, что ничего не видела.

Услышав теткин голос, подскочил от неожиданности. Был уверен, что один в комнате. Довольное лицо Марты смотрело на меня с улицы. Ее шляпа с широкими полями закрывала пол-лица. Подошел и сдернул нужную мне вещь.

— Подожди, сейчас помогу, — тетка исчезла за окном.

Открыв шкаф, стала перебирать вешалки с вещами.

— Эта подойдет, — показала темную юбку, — вот еще жилет и рубаха с рукавом.

И стала все надевать на себя поверх платья, которое с утра было на ней.

Я опешил. Что надумала? Не поняла, что для себя одежду готовил, чтобы обрядиться ею?

— Эх, молодежь! Учить вас надо! Видел, сколько соседей на улице отирается?

Я кивнул.

— А тут я кур покормлю в юбке и жилете, потом в дом зайду, там ты быстро переоденешься и отправишься с ведром прямиком к колодцу. Так правильно будет? А если по твоему сделать, то люди решат, что у них в глазах двоиться: Марта в платье кур кормит, а другая в юбке через забор лезет.

Обескуражено почесал в затылке. Хорошая у меня тетка. Просто отличная!

Кира

Как только показалась на улице, все расступились. На всякий случай сделала выпад ухватом в сторону толпы. Кто-то вскрикнул. Победно положила его на плечо и двинулась в сторону дома Ингмара. Соседи провожали меня взглядами из-за своих заборов. Бабка Нюра, одна из вчерашних товарок, юркнула в кусты.

— Так, запомню, кто боится в глаза смотреть!

Проходя мимо дома бабки Настасьи, специально древком ухвата прошла по всему пакетнику. Грохот стоял знатный!

Настасья высунулась в окно, не понимая, что происходит. Я остановилась напротив, вскинула ухват, как ружье и прицелилась в подслеповатую бабку.

— Боже ж ты мой! — вскрикнула та и попыталась спрятаться за косяком.

— Говори, бабка, кто дверь испоганил! Иначе стрелять буду! Ты же знаешь — я юный ворошиловский стрелок!

— Кира, доченька! Не стреляй! Это не я! Это подружка твоя Галка!

Я растерялась, опустила «ружье».

— Как, Галка? Врешь!

— Я ей деготь сама дала. А она в обмен указала, где следы твоего позора искать!

— Позора?

— Весь поселок знает, чем ты на мельнице занималась, — озираясь по сторонам, тихо произнесла Настасья.

Эти слова убили меня. Медленно развернулась, кинув на прощание успокоительные слова:

— Бабка, живи. Пока.

Запал хулиганить кончился. Поплелась дальше. Мешал ухват, хотелось его бросить, но было жалко, да и ба отругает за потерю «боевого духа».

Переживала предательство подруги. За что она так со мной? Из-за Ингмара? Это был самый подходящий ответ. Вспомнила ее счастливые глаза, радость, что Инга пригласил на свидание. Эх, Галя, Галя. Дурра-малолетка.

Так и дошла в терзаниях до дома друга, уже не видя людей, не обращая внимания на

любопытные взгляды. Калитка была закрыта. Попыталась открыть крюк, но там висел замок.

Ничего себе, забаррикадировались! Позвала Ингмара, не откликнулся. Решила проверить, может дома заперли? Не зря шаровары нацепила: просунула ухват в щель, получилась опора, оттолкнулась от нее и перевалилась через забор, напугав кур. Дик залаял, но узнав, прыгнул ластиться.

— Где Ингмар? Веди!

Тот почему-то побежал к задней калитке, но дверь в дом открылась, что отвлекло пса.

— Это я, Кира, можно зайти? Ты не откликнулся, — начала оправдываться, в ответ ни звука.

Прошла в дом и услышала тихое:

— Дверь закрой, быстро!

Зябко повела плечами от этого загадочного шепота и сделала, что просили. Из-за занавески показалась голова Марты, а потом, убедившись, что дверь закрыта, тетка появилась полностью.

Меня удивило ее поведение, и я выпалила первое, что пришло на ум:

— Здравствуйте, а Ингмар выйдет гулять?

— Да гуляет уже, — неторопливо ответила Марта, — не встретились что ли?

Отрицательно покрутила головой.

— Он к тебе пошел.

— Я пойду тоже, ладно?

— Ну-ну. Дверь за собой закрой.

От растерянности пятясь задом, покинула дом. Когда уже висела на заборе (и почему не попросила Марту открыть калитку?), заметила, соседей собралось еще больше.

— Бесстыжая девка. Сама к парню лезет.

Не будь спутником предателя: он тебя толкнет на скользком месте.

Киргизская пословица

Ингмар

Шел по улице, путаясь в длинной юбке. И как в ней тетка ходит? Осторожно поднял глаза, пусто. Все там, у моего или Киры дома. Ждут, придет за мной милиция или нет. Наверное, и постовых выставили, чтобы не пропустить представление. Интересно, как сигналият друг другу?

Рядом раздался протяжный свист, и тут же чья-то рука хлопнула меня по задку. Развернулся и треснул ведром напавшего. Черт! Старик-морячок лежал кулем на земле и не шевелился. Убил?! Встал у трупа на колени.

— Сильна ты Марта, — сказал мертвец, — за это и люблю.

Сплюнул. Помог подняться, стряхнул с тощого зада пыль и тихо, на ухо, прошипел:

— Еще раз сунешься, загрызу.

Старик засмеялся и поковылял к скамейке у штакетника, я же поспешил на соседнюю улицу.

У дома Киры, как ни странно, никого не было. Поэтому, открыв калитку, прошел к крыльцу. Только протянул руку к двери, как получил лопатой по хребту. Быстро оглянулся. Хорошо, что лопатой была плашмя. Да и сила у бабки Пелагеи не та, что у Марты, иначе бы хана!

— Ах, ты гадюка! С ведром дегтя приперлась!

— Бабка Пелагея, это я, Ингмар! — выставил перед собой ведро, в качестве защиты и заодно продемонстрировать, что оно пустое.

Та застыла с отведенной в сторону лопатой, готовой обрушиться в любой момент.

Приподнял шляпу и широко улыбнулся, демонстрируя добрые намерения.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Инга! — растерялась бабка. Окинув взглядом мой наряд, пригласила в дом, — А Кира к тебе пошла. Не встретились, значит.

— Не встретились. Я через заднюю калитку ушел, у дома дозор из соседей. Я пойду? Вдруг ее обидят?

— Иди. А чего приходил?

— Соли попросить. Тетка послала, — сказал первое что на ум пришло.

— Ведро.

— Что ведро? — недоумевая, посмотрел в пустую тару.

— Ведро соли надо Марте?

— Эээ. Я пойду. Ладно?

— Ладно. А ведро, все-таки, зачем принес?

— Кто ест соль, тот и воду пьет, — брякнул вспомнившуюся пословицу и почему-то

задом попятился из дома.

До своего дома бежал, представляя, как соседи над Кирой измываются. Ведро бросать не стал, жалко. Да и тетка ругаться будет. Поэтому несся, задрав юбку рукой, на локте которой моталось ведро, а другой придерживал шляпу, чтобы не слетела с головы. Потеряю — Марта точно убьет!

Кира

Оглядывая любопытствующие лица хорошо знакомых людей, занесла ногу, чтобы перевалиться на другую сторону, и когда, почти решила прыгнуть, увидела, что внизу торчит мой хват и, брякнувшись на него, обязательно сломаю что-нибудь. Боюсь, это будет не хват. Понимание пришло в последнюю минуту, траекторию полета изменить не успевала, поэтому своим вихлянием еще более усугубила ситуацию. Летела спиной вниз. Но упала в чьи-то руки. Человек крякнул от натуги. Женщина?!

А та спокойно поднялась, будто я ничего не весила, и не захотела выпускать с рук. Заглянув под поля шляпы, узнала Инга. Улыбнулась ему и сказала:

— Ухват.

— Какой хват?

— Там, внизу. Надо взять. Бабушка ругаться будет.

Со мной на руках присел, я вытащила хват. И мы пошли вдаль. К морю. И было совершенно все равно, что подумают соседи, узнали они Инга или нет. Главное — мы вместе и нам хорошо.

Ингмар

Прижимая к себе Киру, указывающую мне хватом куда идти, был счастлив. Не мешала шляпа, потому что она позволяла смотреть на девушку, забыл о ведре, которое можно было закинуть во двор, не вспомнил, что одет в теткин вещи.

Вышли к морю и почти дошли до беседки, когда Кира скомандовала:

— Стой!

И соскользнула с рук, звякнув хватом о ведро. Этот звук привлек внимание девушки, которая стояла у щита с нарисованным поездом, продолжающим спешить к станции Коммунизм. Это была Галка.

Она испуганно вскинула глаза и пошла бочком, пытаясь скрыться. Но уверенным движением Кира прижала подругу рогаткой хвата к щиту.

— Попалась! — закричала она, — Ну, что, Галчонок, каяться будешь?

— О чем ты, Кира? Я никому ничего говорила! — затараторила пойманная девочка.

Я с интересом наблюдал, пытаюсь понять, что происходит. Объяснение не задержалось.

— А кто испачкал дегтем мою дверь?

— Ты чего, Кира, зачем мне это?

— Не ври, я все знаю! Тебя Настасья выдала! — потом обернулась ко мне, — Что делать будем с этой предательницей?

Снял шляпу и увидел, как у Галки распахнулись от удивления глаза. Она, наконец,

узнала меня.

— Отпусти ее, Кира! Не связывайся с говном, — потом обратился к Галке, — Не попадайся больше на глаза, зашибу.

Встав за спиной Киры, прижал ее одной рукой к себе, а другой взялся за ухват и помог отвести его от шеи девчонки. Та сползла по щиту вниз. Из рук выпал кусочек мела. Пошарил глазами по поверхности рисунка и увидел $G+I=L$. Взяв мел, исправил ошибку в уравнении, стерев неправильную букву. Дописал. Получилось $K+I=L$. Так лучше.

— Запомни, Галчонок, предательством счастья не сыщешь.

Потом опять взял свою Киру на руки и продолжил прерванный маршрут. До беседки. Мы сразу забыли о той, что хлюпала носом за спиной.

*«Мне жаль, что твоя гнедая сломала ногу.
Боливару не снести двоих...» — пауза и вздох:
«Жаль, что твоя гнедая сломала ногу Боливару...»*

*Шутка неизвестного, прочитавшего О.Генри «Дороги,
которые мы выбираем»*

Кира

Инга усадил меня на скамейку, взял из рук ухват и поставил рядом со своим ведром. Сел рядом, снял панамку и внимательно посмотрел в глаза.

— Как ты? Сильно досталось?

— За тебя испугалась. Скажи, зачем все это?

— Глупость и любопытство. Развлечение.

— Но мы же люди. Живые. Разве с нами так можно?

— Нельзя, Киреньш, нельзя.

Он замолчал. Было заметно, что он хочет что-то сказать, но не знает как начать.

Я решила помочь.

— Говори. Не бойся. Я с тобой. Не предам, не отступлюсь.

— Я уезжаю.

— Когда?

— Завтра утром.

— Вернешься?

— Нет. Не в этом году. И не в следующем.

— Это из-за меня?

— Отец беспокоится. Мне нельзя попадать в неприятности. Собираюсь поступать в юридический и должен иметь безупречную характеристику, иначе не примут. Это очень серьезно, всю жизнь к этому готовился. Буду юристом, как папа. Прости, что так получилось.

— И мы никогда не увидимся? Даже в Москве?

— Не знаю. Нет.

— И все это закончится, так и не начавшись?

Он молчал. Я все поняла. Он сдался!

Я резко встала и вырвала из его рук панамку, напялила на себя, взяла свой ухват и пошла в поселок. Он не остановил.

Что не так? Только что он нес меня на руках, писал К+И, а теперь это холодное, «прости, что так получилось»!

Не буду плакать! Не буду!

Но слезы ручьем потекли по лицу. Сняла панамку, вытерла слезы, высморкалась, постаралась взять себя в руки. Не получилось. Ком в горле рос, хотелось кричать, плакать навзрыд. Почти ничего не видя перед собой, побежала к дому.

— Папа, ты доволен? Выходи, я видел тебя.

— Ты все правильно сделал, сынок, — сказал отец, выходя из-за колонны, — Не нужно тебе это сейчас. Посмотри, на кого ты похож? Я принес твои брюки. Они там, у велосипеда. Сейчас принесу.

Отец осторожно начал спускаться вниз. С этой стороны не было лестницы. Я перемахнул через перила и пошел следом. Какая разница, где переодеваться?

Я увидел наш велосипед сразу, как зашел в беседку, а потом заметил и отца. Поэтому посадил Киру спиной к той колонне, за которой он встал. Нельзя было устраивать демарш при нем, ничего бы кроме скандала я не получил, поэтому решил сказать те слова, что он хотел услышать.

Жаль, что обидел Киру. Теперь нужно решать проблему, как увидеться с ней. Не хочу объясняться в письме. Я должен видеть глаза.

— Во сколько мы завтра уезжаем?

— Машина придет в пять утра.

Весь вечер отец был рядом, контролировал, как собираю вещи, помогал увязать книги, которые я взял почитать на лето, не отходил ни на шаг. Не давал возможности подумать, все время говорил.

Когда я собрался пойти погулять с Диком, попросил не уходить со двора. Сам сел с газетой на веранде. Черт, он караулит меня!

Соседи уже не донимали. Как поняли, что скорого ареста ждать не надо, (папа устроил ликбез и популярно объяснил о презумпции невиновности), так и разошлись по своим домам. Но все равно были начеку!

Шансов улизнуть со двора не предвиделось, Марта тоже получила нагоняй, к ней не сунешься, мальчишек, что бегают за забором, просить передать записку нельзя, они тоже участники скандала, мигом отнесут куда не надо. Что же делать? Записку написал еще днем, когда зашел в туалет.

Надо было видеть, как я ее писал! Снял с гвоздя всю пачку газетных прямоугольников, что так аккуратно нарезала тетка, выбрал тот, где поля пошире, расположил на колене и... уронил карандаш в дырку. Пришлось вернуть бумагу на место и пойти в дом за другим.

Отец подозрительно наблюдал, как я хожу туда-сюда.

— Живот болит, — пояснил я.

Он кивнул головой и крикнул:

— Марта, что у нас есть от живота?

— У кого болит? — откликнулась та.

— У Ромео.

Я опять зашел в будку с сердечком. На этот раз получилось нормально: «Жду тебя в три часа ночи в беседке. Вопрос жизни и смерти. Твой Боливар».

Я специально так написал, она знала этот пароль. Когда-то Кира загнала в ногу крючок, и мы никак не могли остановить кровь. Ей было больно и страшно, поэтому я пытался отвлечь ее, рассказывая «Дороги, которые мы выбираем». А все началось с фразы «Боливар не вынесет двоих», когда раненая Кирюха взгромоздилась мне на спину, а ведро с уловом пришлось оставить на берегу. Тогда мы решили, что Боливар будет нашей тайной. Вот и

пригодилась детская договоренность.

Кира

Ба сразу поняла, что меня опять обидели. Она сидела у двери с лопатой и поднялась, когда я зашла во двор.

— Можешь спрятать лопату. Больше не придут мазать дверь. Это была Галка, — буркнула я, поставив возле нее ухват, и прошла в свою комнату. Она, не выпуская свое оружие, поспешила следом.

— Что случилось?

— Ничего.

— Я же вижу.

— Ба, я потом расскажу, поплю и расскажу, — плюхнулась прямо в одежде на кровать и накрыла голову подушкой.

Она еще немного потопталась, но потом тихо закрыла дверь и ушла.

Я позволила своим слезам пролиться. Рыдала в подушку, била ее кулаками, ненавидела себя, поселок, море. Хотела к маме. Не заметила, как уснула.

Проснулась, в комнате было темно. Спросонья не могла понять вечер сейчас или ночь. Полоска света под дверью показала, что ба не спит. Оправив одежду, пошла к ней. Она опять сидела у открытой двери с лопатой и держала ее как древко знамени, поставленное у ног.

— Сильнее, сильнее три, — сказала она кому-то. С той стороны двери послышались скребущие звуки и сопение. Я подошла к бабушке, та улыбнулась мне.

— Кирюш, мы скоро закончим.

Из-за двери показалось красное лицо Галчонка. В руке, которой она вытерла пот со лба, было мочало. Глаза испуганные. Мне даже стало ее жалко, но я быстро убила это чувство, напомнив себе, что бывшая подруга сама же дверь и испортила.

— Не останавливайся, — скомандовала бабуля и хлопнула черенком лопаты об пол.

Я улыбнулась. Ба, сидящая на стуле с грозным видом напомнила мне Зевса-громовержца на троне.

Галка скрылась за дверью, и оттуда послышались шаркающие звуки и ворчание.

— Узурпаторша, Салтычиха, буржуйка.

— А за буржуйку, — протянула ба, — еще порог вымоешь.

За дверью застонали.

Мы распяты на циферблате часов.

Станислав Ежи Лец

Только время принадлежит нам.

Сенека

Ингмар

— Пусть Ромео пройдет на кухню и выпьет отвар черемухи! — зычно крикнула тетка.

— Уже не болит, — начал было отпираться, но увидев ее кулак и знаки глазами, поспешил в дом.

Там тетка сунула в руки кружку и прошептала:

— Давай записку.

Непроизвольно прижал руку к карману, где лежала записка, чем еще больше выдал себя. Тетка усмехнулась.

— Я дура? Не понимаю, зачем берут карандаш в уборную? Давай, не бойся. Там Галчонок возле калитки отирается, она отнесет.

— Она предательница!

— Тише, отец уже оглядывается! Знаю. Галка теперь расстается, чтобы перед тобой оправдаться, да с ухватом Киры больше не захочет встречаться. Давай записку.

Протянул, и Марта тут же спрятала ее в необъятном фартуке.

Уселся рядом с отцом и стал потягивать горячий вяжущий напиток. Что тетка придумает? Та не заставила себя ждать.

— Пойду в магазин, соду куплю, штрудель в дорогу испеку, — тетка с кашолкой проследовала к калитке. Привстав, увидел, как она подошла к Галке, стоявшей на другой стороне улицы и, «дружески» обняв за плечи, потащила ее в сторону сельпо.

Кира

Когда узурпаторша освободила рабыню, та зашла на кухню помыть руки. Я спокойно потягивала молочко, рассматривая ее через специально прищуренные глаза. Как на врага революции. Так ей! Поникшие плечи, бесконечные вздохи, нарочито долгое мытье рук (а могла бы во дворе помыть). Галка явно что-то задумала, тянет время.

— В рукомойнике уже нет воды, — подсказала я. Та, опять вздохнув, вытерлась полотенчиком и достала откуда-то из-за резинки шаровар туго свернутую газетную бумажку.

— Вот, Марта передала. Честное комсомольское — не читала.

Бросив прямоугольник на стол, она медленно пошла на выход. Из вредности не стала говорить спасибо. Вот еще! Пусть прочувствует, предательница!

Как только Галка скрылась, сразу начала разворачивать бумажку. От нетерпения руки

дрожали. Так, «Жду тебя в три часа ночи в беседке. Вопрос жизни и смерти. Твой Боливар». Что это? Боливар — условный знак Ингмара. Почему вопрос жизни и смерти? Он хочет встретиться до отъезда на станцию. Но к чему эта встреча? Все предельно ясно было сказано — дружба со мной ему во вред.

В волнении забегала по кухне. Идти или не идти? Если бы он подписался, как Ингмар, скорее всего и не подумала бы, но Боливар... Это совсем другое. Пароль из детства. Нельзя не идти.

Ингмар

Как медленно идет время, когда ты в нетерпении! Смотрел на часы каждые пять минут, но стрелка словно замерла. Крутился на диване, сбил все простыни, считал за ходиками, которые громко отстукивали минуты, не выдержав, вскакивал и всматривался в циферблат. Всего двенадцать!

В соседней комнате отец возился с документами. Стол освещала лампа под зеленым абажуром. Ее свет позволял видеть стрелки на ходиках. Как только лампа погаснет, придется определять время на ощупь, свет включить не смогу, это вызовет подозрения. А пока папа что-то читал, писал, вычеркивал, опять писал.

Появился страх, что он так и не ляжет до самого отъезда. Но тут свет погас, зашуршали простыни, скрипнули пружины кровати, отец повздыхал и затих. Сколько лежал, вслушиваясь в его дыхание, не знаю. Мне казалось, я опаздываю, но встать боялся. Представив, что Кира одна сидит в темной беседке, соскочил и подошел к двери. Дыхание папы было спокойным и размеренным. Циферблат часов был неразличим, пальцы не определили положение стрелок. В отчаянии снял ходики со стены и подошел к окну. Два часа.

Не могу больше ждать, лучше я посижу у дома Киры, встречу ее там.

Быстро оделся. Звякнув застежкой ремня, затих. Прислушался. Нет, отец спит.

Кира

На кухню зашла бабуля, села рядом и пытливо посмотрела.

— Зачем Галя приходила?

Не стала таиться.

— Записку от Ингмара принесла, он просит встретиться. Я решила пойти.

— Сейчас?

— Нет, в три ночи.

— Что так?

— Ба, он рано утром уезжает. Навсегда. Сказал, что больше не увидимся. От меня одни неприятности.

— А теперь зовет.

— Зовет, и отказаться не могу. Он слово заветное написал. Я, наверное, спать не лягу, иначе пропущу время.

— Родная, у меня будильник есть.

Тщательно выставила стрелку, завела будильник и легла. Не могла уснуть, прислушивалась к громкому тиканью. Вдруг вспомнила, что не проверила громкость и вообще, работает ли звонок. Покрутила стрелку до нужного часа, будильник так резко и громко завопил, что выронила из рук. Металлическая крышка отскочила, обнажив внутренности, вывалившаяся пружина тут же взвилась клубком змей.

Черт! Что я наделала? И в кого я такая косорукая? Досадуя, прошла на кухню за часами с кукушкой. Механизм, приводящий кукушку в действие, сломался, и бедная птица навсегда застыла в прерванном полете. Установила их на этажерке, прижала книгами и улеглась. Беспреданно поглядывая на еле шевелящуюся стрелку, не заметила, как уснула.

Разбудил часто повторяющийся стук. Не сразу поняла, что кто-то кидается в открытое окно. Быстро включила свет и обнаружила, что пол усеян молодым яблочками. Тут же вспомнила о назначенном времени и взглянула на часы.

Проспала! Лихорадочно начала одеваться, соображая, что метателем фруктов мог быть только Инга. Значит, ждет на улице!

Выскочила, но не стала подходить к парню, чей силуэт вырисовывался в тусклом освещении уличного фонаря. В записке было сказано «в беседке», вот и встретимся там. Гордо пошагала к морю, навстречу свежему соленому ветру. А сзади шел тот, кто разбил мне сердце.

Ингмар

Отцовские ручные часы показывали три, а свет в комнате так и не зажегся. Записку точно передали — Марта шепнула после тайной встречи с Галчонком. Значит, Кира не собирается приходить в беседку.

От этой мысли снизу к груди прошла ноющая боль. Я должен объясниться, не смогу простить себе, если расстанусь с Кирой, не убедив, что она мне небезразлична. Надо разбудить.

Камней вокруг не нашел, но развесистая яблоня была усеяна зелеными плодами. Прицелился первым яблочком в окно, но оно попало в стенку. Нужно поменять место стрельбы. Пришлось оседлать забор с запасом зеленых яблок в карманах.

Наконец свет зажегся. Заспанная Кира стояла посреди комнаты и непонимающе оглядывалась. Чтобы не испугать, покинул наблюдательный пост.

Ожидание, волнение перед непростым объяснением, радость от грядущей встречи, желание обнять и не отпускать — такие чувства бушевали во мне, пока ждал Киру.

Через несколько минут она гордо вышагивала в сторону беседки.

Я не зря выбрал это удаленное и обозреваемое место. В поселке слишком много чужих глаз. Не хотелось, чтобы мои откровения услышали соседи, порой не спящие даже ночью.

Пошел следом за Кирой, готовя слова, которые помогут все исправить.

*Все влюбленные клянутся исполнить больше,
чем могут, и не исполняют даже возможного.*

В. Шекспир

*Поцелуй — это когда две души встречаются
между собой кончиками губ.*

Гете

Кира

В беседке развернулась лицом к темному морю. Поежилась от ветра, который здесь дул сильнее.

Рокот набегающих волн казался тревожным. Они с каким-то отчаянием бросались на берег.

Краем глаза наблюдала за Ингмаром. Не сразу подошел, немного постоял.

Почему медлит? Ожидала объяснений, а он вдруг шагнул и одним стремительным жестом обнял, и так крепко, будто хотел вдавить в себя.

Почувствовала его отчаяние, поэтому не стала вырываться. Лишь мелькнула запоздалая мысль: куда подевалась моя гордость? Сомкнула руки за его спиной и застыла. Я вся обратилась в слух.

— Кира, — выдохнул он, прижимая мою голову к груди, — любимая Кира...

Предательские слезы потекли по щекам. Почувствовал, провел ладонью по волосам, успокаивая, словно маленького ребенка.

— Тшшш...

Стояли, не меняя позы, не двигаясь, не расцепляя объятий. Только громкое биение двух сердец. Слова оказались ненужными — мы понимали друг друга без них:

Мой короткий всхлип — Я обижена.

Ласковое движение его руки по всей длине спины — Прости.

Мой кулачок делает один укоризненный удар — Как ты мог?

Более тесное объятие и легкий поцелуй в висок — Прости.

Задираю голову — Мне этого мало.

Короткий поцелуй в щеку — А так?

Качаю головой — Нет, не прощаю.

Осторожно целует мокрые глаза — А так?

Мой длинный вздох — Ну, не знаю.

Теплые губы ищут мои — Прости.

Отвечаю на поцелуй — Прощаю...

Горячая волна медленно поднимается от коленок вверх. Голова кружится. Руки гладят, нежно трогают, сжимают. Губы уже болят, но это сладкая боль — наслаждаюсь ею, хочу еще. Наше дыхание сбивается окончательно, пытаемся отдышаться. Последний в череде

поцелуев — поцелуй в висок, легкий, невесомый. Как точка.

Когда открыла глаза, с удивлением обнаружила, что стало светло — серое утро, еще без единого луча солнца, когда все кажется блеклым, не живым. Только два разгоряченных от поцелуев лица — яркое пятно в окружающей бесцветности.

Его руки держат мое лицо. Глаза наполнены нежностью. Всматриваюсь в них, стараюсь запомнить эту нежность, умирая от осознания неизбежности разлуки. Я вся стала одним большим чувством. Впитываю калейдоскоп эмоций, которыми он щедро делится со мной.

— Я люблю тебя.

— Я люблю тебя.

Долгий поцелуй. Опять кончился кислород.

За спиной послышался шум машины. Ингмар вскинул глаза, прищурился.

— Мне пора. Это отец.

Потом торопливое:

— Люблю, сильно люблю, — смотрит внимательно в глаза, пытаюсь вколотить в мозг смысл слов, — Никогда не думай, что откажусь от тебя. Не сомневайся.

— Я буду ждать.

— Верь мне, я вернусь за тобой.

— Я буду ждать!

Утреннюю тишину разорвал автомобильный гудок. Из машины выскочил Дик и, виляя хвостом, сел у наших ног. Укоризненный взгляд отца заставил сжаться, но Инга, обернувшись на него всего на мгновение, ободряющее улыбнулся мне, сжал ладонь и тихо произнес:

— Верь мне, жди!

Что произошло дальше, было похоже на сон безумца.

Откуда-то с неба послышался тонкий свист, который стремительно превратился в рев, потом была ослепительная вспышка света, земля вздрогнула, поднялся вихрь из песка и камней. С ужасом увидела, как удивление в глазах Ингмара сменилось недоумением, его тело, ставшее вдруг безвольным, неловко повалилось на пол.

Кричу, но не слышу крика, опускаюсь на колени, не понимаю что случилось, почему лежит, почему не шевелится?! Заглядываю в глаза, но вижу только застывший взгляд, устремленный в небо. Смотрю в это же небо, пытаюсь понять, что там видит он, ничего не нахожу, кроме серости, кричу не останавливаясь, срывая голос, переходя на болезненный, мучительный хрип.

Что-то теплое коснулось моих колен, смотрю вниз и не понимаю, откуда столько красного цвета в этом сером утре?

Хотела проснуться, но страшный сон продолжался, показывая, как в одно мгновение все может стать безобразным и безысходным.

Увидела руки отца, который поднимает тело сына, его искривленный в крике рот. Серость неудержимо наполняется черными красками — наступает темнота и забвение.

* * *

Мы встретились в последний раз,
Надеясь свидеться, но позже,

Был диалог без громких фраз,
И холодок от слов по коже.
Мы так стремились вместе быть,
Нас злые сплетни разлучили,
Но не смогли любовь убить,
На это не было причины.
Я слово ждать его дала,
Он обещал за мной вернуться,
Все вмиг разрушила беда —
И клятвы ложью обернутся.
Увидеть небо в тех глазах,
Что с нежностью вчера смотрели,
И знать, не будет никогда,
Той теплоты, что я хотела.
Что он погиб, а я жива —
Несправедливо, глупо, странно!
Клятв не забуду я слова:
Его ждать буду неустанно.

Если хочешь ничего не бояться, помни, что бояться можно всего.

Сенека

Холодный нос тыкается в лицо, короткое робкое поскуливание переходит в протяжный, надрывный вой. Не открывая глаза, протягиваю руку и натыкаюсь на теплый мохнатый бок. Вой прекращается. Мою ладонь лижут.

Вздыхнула, соображая, откуда в нашем доме собака. И почему так тяжело на душе? Я забыла что-то важное, что ускользает из моего сознания, как сон, который стремительно тает.

Позвала бабушку, но не услышала своего голоса. Болит горло. Почему так жестко лежать? Поворачиваюсь на бок, рука задевает что-то липкое, холодное. Беру в руки кругляш. Открываю глаза — это мужские часы. В крови. И память мгновенно возвращается, а с ней возвращаются ужас, страх, отчаяние, осознание огромной беды.

Лежу на полу беседки в огромной луже крови. Рядом собака, ее шерсть тоже в крови. В глазах собаки страх. Она готова убежать, но почему-то остается возле меня.

Слышу далекий шум. Голоса, крики, топот ног. Собака вскидывает голову, настораживает уши и громко лает. Не зло. Призывно. Мы здесь. Мы здесь.

Поднимаюсь сначала на четвереньки, собака радостно лижет лицо. Голова кружится, тошнит. Меня рвет. Собака убегает навстречу людям. Первая, кого вижу — Марта. Подбегает и пытается меня поднять. Ей помогают мужские руки. Крики, вопросы, плачь. Не могу говорить, не знаю, как объяснить. Не верю, что произошедшее здесь не плод моей фантазии. Но откуда столько крови? Откуда взялась огромная воронка недалеко от беседки? С той стороны, где стоял Он. Опять ухожу в сон, липкий как кровь.

Проснулась от того, что на кровать кто-то сел, и она прогнулась под тяжестью. Мои губы смазали мокрой тряпичей. Сразу захотелось пить.

Сказала это вслух. Радостный шепот, бабушкины теплые руки и прохладная вкусная вода. Хорошо.

Открыла глаза. Ба сидит на кровати, Марта рядом на стуле.

— Как ты себя чувствуешь, деточка? — обе женщины напряженно ждали, когда отвечу.

— Хорошо, — услышала свой слабый голос, — ничего не болит.

— Слава богу, — бабушка перекрестилась. Никогда не делала этого при мне. Она изменилась: резко постарела, хотя ей чуть за пятьдесят, глаза красные от слез и бессонницы.

На пороге кто-то кашлянул. Это дядя Иван, председатель поселкового совета. Марта уступила ему стул и встала за спиной.

— Ты можешь говорить? — бабушка с досадой посмотрела на председателя, но промолчала. Видимо дело важное.

— Да, могу, — интересно, что хотят узнать?

— Что произошло тем утром? Откуда кровь?

— Кровь?

Тут нахлынули воспоминания: взрыв, крик, кровь и Он. Сжалось сердце, опять затошнило, началась рвота. Стало невозможно дышать, конвульсии сотрясали тело, комната

и люди начали безумный танец, сливаясь в одно цветное пятно.

Кто-то прижимал к постели, кто-то колотил руку, плакала бабушка, причитая и вспоминая святую заступницу, кого-то просили выйти и не мешать. Потом все стало стихать, отдаляться, и я провалилась в безразличную дремоту.

Выздоровливала медленно, все реже и реже окунаясь в страшные воспоминания, тихо убирая их фрагменты в надуманный сундук и крепко запирая на ключ, чтобы уже не болеть ими.

Постаралась оставить в памяти только веру в чудо, что Он выполнит свое обещание. «Верь мне, жди!» стучало у меня в голове и я, повинувшись этому призыву, неизменно отвечала «Верю».

Не выпускала из рук часы, стрелки застыли в одном положении. Пятнадцать минут шестого. Я даже не пыталась их завести или почистить. Мне не нужны были часы, мне нужна была вещь, которую Он держал в руках. Позже, когда я стала выходить из дома, одела их на руку и больше не снимала. Так было спокойнее.

Стали приходить люди и я в сотый, тысячный раз рассказывала про взрыв. Сначала не понимала, почему недоверчиво воспринимали рассказ, но потом все прояснилось. Не нашли Его тело, ни отец, ни водитель машины не вернулись в поселок. След машины обрывался у маяка, который тоже был разрушен бомбежкой. Но под обломками ничего не обнаружили. Эти загадки будоражили местные умы.

Пока болела, жизнь поселка резко изменилась. Сразу после взрыва пропало электричество. В воздухе повис страх. Никто не мог объяснить, откуда прилетела бомба, никто не слышал шум самолета. Жители не могли найти объяснение многим вещам, которые вдруг начали происходить вокруг.

Так и не взошло солнце, низкий туман напознал с трех сторон на поселок, но ни разу не пересек невидимую черту. Люди боялись заходить в этот туман.

Поначалу ничего не подозревали. Местный участковый ушел в район доложить о необычном взрыве и не вернулся, в этот же день после обеда письмоносица Дуся уехала на станцию за газетами и как провалилась. Ее мать, переживая, чувствуя беду, взяла у Марты велосипед и не появилась ни в этот, ни на следующий день.

Несколько семей дачников, в том числе Папа с беременной женой, испугавшись взрыва, решили прервать отпуск, и Иван попросил их позвонить со станции в район. Все ждали, что приедет комиссия расследовать взрывы и уничтожение маяка, но ни один человек извне не появился в поселке.

Иван сам хотел поехать в район, но его заплаканная жена и три дочери вцепились в мужика и не выпустили за порог, хотя он их клял и ругал, кричал, что должен во всем сам разобраться. Собравшиеся на крик соседи поддержали семью и решили не отпускать единственного уполномоченного власти, оставшегося с ними на этот момент.

Две недели жители поселка «Старая мельница» ждали, что приедут люди из района, появится электричество, тучи разойдутся, выглянет солнце и рассеет туман своими лучами. Но ничего этого так и не произошло.

Однажды ко мне в комнату заглянула через окно Галка. Отодвигая занавеску и горшок с геранью, уселась на подоконнике.

Я уже не злилась на нее, последние события стерли из памяти неблагоприятность ее поступка, просто мы перестали быть подругами.

— Слышала, — осторожно начала она, — председатель объявил сходку?

В комнату, услышав чужой голос, зашла бабушка и села на кровать. Она всячески ограждала меня, боясь возвращения болезни.

— В двенадцать часов все жители должны собраться у беседки, — произнесла последнее слово, Галка осеклась, но я не проявила никаких эмоций, поэтому продолжила, — будем решать, что дальше делать. Еще один человек ушел и не вернулся.

— Кто? — хором спросили мы с бабушкой.

— Пантелеймон, — это тот самый дед-морячок, который очень любил посмеяться над смущением женщин. Галка между тем продолжала, — Он два дня назад втихую взял свою лодку и поплыл по морю за маяк. Хотел этим путем до района добраться и самому все узнать. Его дочь до вечера не хватилась, но когда старик не пришел на ужин, забила тревогу и нашла у него под подушкой записку, где черным по белому написано, если он не вернется до сегодняшнего утра, считать его погибшим смертью храбрых. Народ волнуется, поэтому, я думаю, придут все. Нужно послушать, что скажет дядя Иван.

Мы согласились, что идти надо. Ба хотела оставить меня дома, но я заверила, что чувствую себя хорошо.

Страшило само место, где будет проводиться собрание, но решила — нужно перебороть себя, иначе придется всю жизнь обходить беседку стороной. И потом, это место, где я последний раз видела Его живым. Даже в мыслях не могла произнести имя, казалось, если назову, то все, что случилось во время взрыва окажется явью. Признаюсь, не верила, что Он умер. Поэтому придумала игру: не называю имени — Он живой.

Живущие в комнате ужасов боятся выйти из нее.

Аркадий Давидович

Когда пришли к беседке, там уже собрались все жители поселка. Не подозревала, что нас так много, на танцы ходила от силы половина. Увидев меня с бабушкой, люди начали расступаться, и мы прошли к самой беседке. Заходить в нее побоялась, хотя каменные полы были начищены до первозданного вида. Оставив меня на попечение Марты, которая стала родной, ба села на скамейку около председателя, рядом с другими старожилками. Посмотрев налево, я увидела, что воронка от взрыва была обнесена веревкой.

На широком парапете беседки был установлен графин с водой и пара стаканов, председатель держал в руках изрядно помятую бумажку, в которую время от времени поглядывал, шевеля губами. Видимо это была его речь.

Постучав по графину чайной ложкой, он призвал всех к тишине. Люди стали пробираться ближе, и вскоре меня обступила плотная масса тел. Все головы были обращены на председателя, тот перед речью покашлял.

— Товарищи! Я собрал вас здесь, чтобы обсудить сложившееся положение в виду последних событий и принять решение, основываясь на точных данных. Повестка нашего собрания: Как жить и что делать?

Жена председателя быстро записывала за ним, поэтому он делал паузы. После ее кивка, продолжил.

— Все знают, что двадцать второго июня сорок первого года в пять пятнадцать утра в районе этой беседки раздался взрыв, в результате чего гражданка Рокосовская получила контузию.

Все обернулись, будто видели в первый раз. Втянула голову в плечи. Марта обняла меня и не выпускала из своих рук до конца собрания.

— По непроверенным фактам, — продолжал председатель, — тут же находился Ингмар Боргман, и со слов гражданки Рокосовской погиб от данного взрыва. Но! — председатель задрал палец и ждал когда стихнут разговоры, вызванные его репликой, — но никаких фрагментов тела обнаружить не удалось. Есть версия, что гражданка Рокосовская в результате контузии выдает за действительность свои фантазии.

Толпа опять зашумела, послышались крики «А кровь?», Иван постучал по графину и продолжил:

— Предположительно, это кровь самой гражданки Рокосовской, как результат носового кровотечения, плюс собачья. Пес по кличке Дик был обследован, раны обнаружены!

Вот это да! Выставили полной дурой. Только крепкие объятия Марты сдержали мой порыв объясниться с председателем.

— До выяснения всех обстоятельств, предлагаю считать отца и сына Боргманов, водителя Авдотькина живыми и отбывшими на станцию. Причины не возвращения Авдотькина будут выяснены, когда из района приедут уполномоченные товарищи. Полагаю этот вопрос закрытым, переходим к следующему.

В толпе раздались редкие хлопки. Председатель налил из графина воду и неспешно выпил.

— Следующий вопрос нашего собрания — мы должны решить, как относиться к тому, что люди, ушедшие за предел поселка, не возвращаются. Я тут набросал возможные причины, по каждому конкретному случаю. Итак, милиционер Никитин имеет прописку в другом городе, предположительно отбыл на родину. Докладываться о своем перемещении нам не обязан. Следующий — Авдотькин. Имел зазнобу на станции. Об этом многие знали. Алена, не обижайся, но есть подозрение, что твой муж сбежал к ней. Сразу отвечу на вопрос о машине: техника старая, часто ломалась, возможно, и сейчас машина на ремонте. Когда он вернется, мы устроим товарищеский суд. Алена, все мы на твоей стороне, не плачь. Дайте ей воды!

Жена председателя наполнила стакан и его из рук в руки передали несчастной Алене.

Председатель продолжил:

— Я предполагаю, что письмоносица Дуся с матерью остались в районе, например, по болезни одной из них. Дед Пантелеймон мог просто не доплыть до пункта назначения на своей углой лодчонке, но не факт, не факт! Дайте его дочери тоже воды.

Вернувшийся было стакан опять пошел по рукам.

— Поэтому, — председатель сделал паузу, — предлагаю ушедших людей считать живыми, но временно покинувшими наш коллектив.

Опять жидкие аплодисменты обозначили, люди согласны верить во «временно живых», чем предполагать страшное.

— Пора переходить к следующему вопросу. Вы все знаете, что за эти две недели в нашем поселке не появился ни один человек извне. Как к этому относиться? Предлагаю считать: у людей есть более важные дела, чем наш поселок и ждать директивы из района, которому наверняка доложили о произошедших взрывах уехавшие дачники. На этом разрешите закончить наше собрание.

— А как быть с туманом? И почему нет солнца? — раздались выкрики из толпы.

— Товарищи, за атмосферные явления ответственности не несу! Подождем решение района. Уверен, что там предпринимают все необходимое.

Председатель сложил бумажку, в которую поглядывал, дождался, когда жена допишет последние слова, взял подмышку полупустой графин и важно спустился с беседки. Супруга поспешила следом.

Люди не расходились, они не получили ответы на волнующие вопросы и не намерены были ждать, когда появятся уполномоченные товарищи из района и помогут разобраться. Они хотели знать, как им жить сейчас.

К моему удивлению, первая руку подняла бабушка. Она этим жестом дала понять, что хочет высказаться. Все замерли.

— Давайте определим круг проблем, которые нужно решить сейчас, — громко сказала ба. Она сняла с головы платок и в волнении скомкала его в руке.

Я ее не узнавала. Где моя тихая и мягкая бабушка? Блеск в глазах, уверенность в голосе, устремление тела вперед. Революционерка! Точно, Клара Цеткин!

— Я думаю, нужно решить, что делать с туманом? Вернее, бояться его или нет? Вы заметили, что он не распространяется дальше линий, условно проложенных между тремя точками: разрушенный маяк, старая мельница, арка у главной дороги, ведущей от нашего поселка к станции. Предлагаю, оберечься, не заходить за эти линии, пока мы точно не убедимся в безопасности тумана. Бабка Нюра, выйди сюда, расскажи всем, что случилось с твоей козой?

Нюра бочком прошла между тесно стоявшими людьми, встала рядом с бабулей и развела руки в стороны в нарочито театральном жесте:

— Люди добрые, это что же делается? Сегодня с утра погнала козу на луг, что недалеко от арки, там трава по пояс. Перлась, несмотря на больную спину. Села на упавшее дерево, а козу на длинной веревке отпустила пастись. Сама конец крепко держу. Вот Машка так и перебиралась от кустика к кусту, от травинки к травинке, пока не зашла за орешник. Мне ее не видать было, но веревка тянется, дергается, значит, коза с места на место переступает. И вдруг неведомая сила кааак дернет веревку, я с дерева на землю и рухнула. Пока кости старые собрала, да козу окаянной назвала, веревка в руках затихла. Дернула ее, а она легко подалась. Еще раз дернула, уже покрепче, а веревка ко мне прилетела, а на конце Машки-то и не было! Побегла в ту сторону, за орешник зашла, а там туман клубится, и козы не видать. Позвала, но ни звука в ответ не прилетело, тишина тишайшая. Веревку в руках повертела, а потом глядь на петлю, а она целая, не порванная, не разрезанная! Я специально хитро завязываю, чтобы ненароком с козьей головы не слетела! Да и не могла она просто так сняться ни сама по себе, ни чьими-то стараниями. Крутые рога не дали бы! Ответственно заявляю! Дело нечистое! Поди черти озоруют!

Тут ба разошедшуюся ораторшу потеснила:

— Я призываю остерегаться ходить за туман, предлагаю протянуть веревки, поставить указатели, обозначить границы. За детьми — особый дозор, скот только под присмотром пасти, наблюдение за туманом вести, записи делать. Он — основная угроза.

Штаб создадим, где все необычные случаи записывать будем, потом решать, как людям оберечься. Дед Пантелеймон морем пошел, но у маяка туман и по воде стелется, а потом дугой до горизонта стоит. Поэтому, тем, кто рыболовством занимается — не увлекаться, следить за туманом, не пересекать его!

Бабуля передохнула и, оглядев серьезные лица сельчан, продолжила:

— По реке он тоже местами стелется. У старой мельницы вода свободная, а другой берег весь в тумане потонул. Поэтому, по мосту на другой берег не ходить, реку — не переплывать! От арки туман в пяти метрах улегся, я вчера ходила, смотрела — нет прохода к станции! Окружены мы со всех сторон, поэтому нужно научиться выживать на этом пятачке, свободном от тумана. Долго это продлится или нет, но нужно быть готовыми ко всему.

Ба подняла руку с платком и взмахнула им, призывая успокоиться волну голосов, вызванную последней репликой:

— Поэтому предлагаю, все запасы еды переписать, магазин закрыть и провести в нем ревизию. Мы должны знать, сколько продержаться можем? Если солнца долго не будет, урожай на огородах не вызреет, лес ягод и грибов не даст. Будем надеяться на рыбу, которую в реке и море добыть можно. Поэтому нужно организовать бригаду рыбаков и улов на общий стол кидать. Все условия для хранения в магазине есть! Кто согласен с этой программой, поднимите руки!

Ну ба дает! Она сейчас рукой с платком так трясла, как Ленин на броневике фуражкой. Я знала, что она у меня боевая, но не думала, что в ней столько запала!

Народ проголосовал единогласно. В штаб избрали бабулю, как председателя и еще четверых сельчан, отличающихся опытом хозяйствования. После этого все разошлись проводить ревизию.

В наибольшей безопасности тот, кто начеку, даже когда нет опасности

Сайрус

На следующий день вечером прибежали близнецы Радько, мои друзья. Они были напуганы. Бабушка завела их на кухню и налила теплого молока.

— Выпейте, хлопчики! Только не торопитесь. Потом расскажете, что случилось.

Братья взяли кружки и стало видно, как дрожат их руки. Дождавшись, когда пустые посуды окажутся на столе, бабуля кивнула:

— Пахом, начинай.

Он был старше Тараса всего на полчаса, но являлся главным заводилой.

— Мама из района не вернулась! — посмотрел несчастными глазами.

— А когда ушла? И на собрании ее не видела, — забеспокоилась бабуля. Мама близнецов работала заведующей сельпо, того самого магазина, в котором проводилась ревизия. Доклад о запасах принесла продавщица, Галкина мама.

Мальчишки переглянулись.

— Вчера рано утром. Очень переживала, что денег много скопилось, а из района не приехали. Вот и повезла. Заодно узнать хотела, что случилось. Нас просила никому не говорить, за деньги переживала.

— Сколько денег было?

— Две сумки. Она их в мешки зашила, чтобы не видно было, что везет.

— И как увезла?

— На лошади, — Пахом вздохнул, — обещала не позднее шести дома быть.

Вот это да! Что скажет теперь Иван?

Бабушка взяла школьную тетрадку и вывела в ней «Радько Олеся. Выехала в район 10 июля 1941 года с двумя мешками денег и не вернулась».

Потом мы пошли к Ивану. Тот уже спал, дверь открыла жена, но узнав в чем дело, разбудила.

— Так, ребята, сейчас вы напишите заявление, что гражданка Радько самовольно покинула объект с большой суммой денег. Когда из района приедет комиссия, разберется куда пропали деньги.

— А искать маму будем? — хором спросили близнецы.

— Нет, нас никто не уполномочивал, не будем заниматься не своим делом, мы не милиция, — аккуратно собрав исписанные под диктовку листочки, сложил их в кожаную папку.

Так, не солоно хлебавши, мы покинули дом председателя поселкового совета.

Это был первый зафиксированный случай пропажи, кроме козы, конечно.

Шли дни, записи в тетрадке пополнялись. Хотя все были предупреждены, но находились не верящие в опасность или случайные нарушители границы. На глазах у соседней вошла в реку и пропала в белом мареве женщина, полоскавшая белье и упустившая сорочку. Ниже по течению, где туман отступал, женщина не появилась. Двое подростков на спор забежали в него, ни один не вернулся. Правда были и курьезные случаи, когда панику

подняла жена аккордеониста, но он вскоре был обнаружен спящим в палисаднике у соседей, от него разило самогоном.

Люди все чаще стали собираться у нашего дома, интересоваться нет ли новых пропавших, не поменял ли туман свои границы, долго ли всем сидеть на усеченном пайке. Туман не распространялся, но и не уходил. Самое неприятное было то, что солнце так и не появилось. Днем, конечно, было светло, но серость никуда не делась. Природа словно застыла. Птицы постепенно стали исчезать. Над морем не летало ни одной чайки. Благо рыбы было достаточно, и наш снабженческий отряд каждый день пополнял запасы. У смелых умов родилось предположение, что можно покинуть поселок под водой, но никто не решился это проверить.

Было страшно, но человек не может долго находиться в напряжении, и жизнь брала свое. Мы приспособивались к ограниченному пространству. Даже начались танцы. Сначала собирались у дома аккордеониста, пели песни, а потом стали танцевать. Это помогало забыться на некоторое время.

Множились слухи и нелепицы. Старики утверждали, что мы прокляты, за то, что свергли царя. Но никто из жителей поселка в этом не участвовал, поэтому гипотезу отменили. Некоторые бабки вспомнили сказку о кузнеце-ведьмаке и стали детей да девиц впечатлительных пугать проделками черта. Но это сразу было пресечено, как вредный пережиток прошлого. Аккордеонист предположил, что врагами создан новый вид оружия и теперь он испытывается на нашем поселке, а мы как подопытные мыши под колпаком. Многие верили, что такое может быть. Председатель утверждал, что начался какой-то природный катаклизм, но в Москве разберутся, и скоро придет помощь, нас всех вызволят.

Я активно участвовала в жизни поселка, ходила протягивать веревки от колышка к колышку, обозначая границы тумана, а после того, как на суше работы были закончены, каждое утро делала контрольные замеры его распространения с обязательной записью данных в блокнот. Но туман не проявлял особую активность, можно сказать, не двигался, просто клубился, меняя форму. То он был как облако, то стелился пером по земле, то принимал причудливые формы.

В оставшееся время помогала бабуле по дому и при необходимости в делах штаба, отвечала на вопросы людей, собирала или распространяла необходимые сведения.

Но каждое утро в пять часов я была в беседке у моря. Это стало привычкой, неизменным ритуалом. В этом ритуале участвовал еще Его пес — Дик. Когда бы не пришла, он был там. Марта рассказывала, что собака один раз в сутки появлялась у дома, обходила его по периметру, ел и опять убегала.

В беседке мы всегда оставались вдвоем, если кто-то проходил, обычно это были рыбаки, пес устрашающе рычал и лаял. Дик ложился у моих ног и мы молча смотрели на море. Мы ждали. Он обещал и мы ждали. Не знаю, как объяснить, но была уверена, что непременно нужно находиться здесь, сколько бы дней не прошло.

Однажды в наш дом постучала Галкина мама. Екатерина была вдовой. Оставшись без средств существования, вернулась с дочкой в поселок в пустовавший родительский дом, и устроилась продавщицей в магазин. Приезжие хахали заглядывались на красивую женщину, но Екатерина не хотела обременять себя дачными романами, а серьезных кандидатур не находилось, так и жили вдвоем. Дочь отличалась от матери, как день от ночи. Черная галка и белая чайка. Чувствовалась в Екатерине какая-то беззащитность, хрупкость, ей хотелось помочь, поддержать.

Когда я открыла дверь, она почему-то шепотом спросила, может ли поговорить с бабушкой. Сильно нервничала, это было видно по движению рук. Женщина то потирала ладонью о ладонь, то скрещивала руки, будто было зябко. Бабушка провела ее на кухню и налила горячий отвар шиповника.

Екатерина, отпив маленький глоточек, поставила чашку на стол, подняла на бабушку глаза и тихо произнесла:

— Я долго не решалась придти, но скрывать эту тайну больше не могу. Мне страшно.

Чтобы там ни было, а я боюсь данайцев, даже и дары приносящих

Вергилий

— Пожалуйста, Пелагея Петровна, не примите за сумасшедшую, когда услышите мой рассказ. Но могу доказать каждое слово. Вам решать, что делать с этим знанием.

Мы с бабушкой переглянулись.

Стало не по себе.

— Не могу точно сказать, когда это началось, — продолжила Екатерина, — предполагаю, сразу после взрыва, но заметила неладное дней десять назад. Когда с вашими штабными провела ревизию в магазине, обратила внимание, что остатки товара по бухгалтерским книгам не бьются. Его было больше, чем должно быть по бумагам. Спросить было не у кого, заведующая уехала в район и не вернулась, поэтому завела новую книгу и тщательно туда переписала правильные цифры. Все дни, продавая продукты жителям, вела учет в этой книге. Так как осталась одна, то решила, буду сводить баланс раз в неделю. В назначенный день утром, еще до открытия магазина села считать. Представьте мое удивление, когда обнаружилось, что товара не убавилось. Я не поверила своим глазам. Еще раз пересчитала. Опять те же цифры. Как такое могло быть? Перепроверила, например, количество хозяйственного мыла. У меня было сто пятьдесят шесть брусков на день ревизии. За неделю было выдано пять брусков, значит должен остаться сто пятьдесят один. Правильно?

Мы с ба одновременно кивнули.

— Пять раз пересчитала, их так и было сто пятьдесят шесть! Можете мне поверить, но к открытию магазина, чувствовала себя сумасшедшей. Все, что проверила на скорую руку, было в наличие, будто не торговала все эти семь дней!

Мороз пошел по спине. Видимо бабушка тоже была напугана, потому, что она смотрела на Екатерину широко открытыми глазами и поднеся руку ко рту. Если бы в этот момент, кто-нибудь постучался в дверь, мы бы умерли от страха на месте!

Волнуясь, Екатерина продолжила:

— Вечером, закрыв магазин, взяла книгу и стала проверять, правильно ли делала записи в течение дня, и сверять их с наличием товара. Было продано два куска мыла. Значит в коробке, согласно утренней проверке, должно остаться сто пятьдесят четыре куска. Правильно?

Мы опять кивнули. Мы даже наклонились к ней ближе, чтобы узнать, что же она обнаружила.

— В коробке было ровно сто пятьдесят четыре бруска!

От того, что мы ожидали иную цифру, облегчения выдохнули.

— Но! — громко сказала Екатерина. От этого «но» мы обе подпрыгнули, — утром, когда я открыла магазин, и пересчитала мыло, опять было сто пятьдесят шесть кусков!

Я закричала. Ба вздрогнув, тоже закричала. Видя такую реакцию, к нам присоединилась и Екатерина. Накричавшись, мы потихоньку успокоились, и сели на места, с которых соскочили в приступе страха.

Отпив шиповника и отдышавшись, продавщица устало завершила:

— Всю эти дни я считала, что продала, и всегда утром весь товар был на месте, цифры не менялись. Даже специально унесла домой бутылку подсолнечного масла. Утром в магазине она опять стояла на полке среди других бутылок. Вернулась домой, проверила. Там тоже стояла бутылка с маслом. Признаюсь, я всю неделю носила домой продукты, вещи и то, на что положила глаз. А утром неизменно все находила на полках, в ящиках и мешках.

— А деньги? Деньги появлялись? — это уже я задала вопрос.

— А вот с деньгами это не работало. После того, как заведующая уехала в район, в кассе оставалась только мелочь. Всю выручку складывала сейф, и все цифры по кассе сходятся. Что делать будем, Пелагея? Помогите, иначе точно сума сойду. Ивану не решилась открыться, он мужик не глупый, но нерешительный, все ждет, когда ему район директиву спустит.

Она с надеждой посмотрела на бабулю.

Ба не торопилась с ответом. Расправила юбку на коленях, которую оказывается мяла во время рассказа, отпила шиповника, вздохнула и произнесла:

— Ну, и историю ты рассказала, Катюша. Действительно, в это трудно поверить. Поэтому предлагаю поступить так: сейчас мы идем в магазин, показываешь нам мыло, раз уж о нем все знаем — сегодня продавала его?

— Да, один кусок, — с готовностью ответила Екатерина.

— Считаем мыло, печатаем магазин, ключ отдаешь мне и идем по домам. Утром, встречаемся на крыльце и проверяем, что изменилось за ночь. Согласна? И если все это подтвердится, а я тебе верю, но хочу увидеть своими глазами, будем решать, как распорядится этим счастьем. А я считаю, что это счастье, продовольственная нехватка будет решена. Но скажи мне, вкус продукта дома не изменился? Живот не болел? Мыло мылилось?

Екатерина оторопело смотрела на бабушку, ей такое и в голову не приходило.

— Да, вроде, нет. Все как обычно.

— Ну, ладно. Кира, собирайся, с нами пойдешь.

В магазине были недолго. Посмотрели продажу за день, посчитали выборочно бутылки, банки, куски, закрыли магазин, наклеили на дверь бумажку и отправились по домам.

Утром посидела в беседке, помолчала с Диком, потом обошла свои владения и вернулась домой.

У бабушки собрался штаб для экстренного совещания. В тетрадку событий сделали запись о магазине. Рассказ Екатерины подтвердился. После бурного обсуждения приняли решение опубликовать «тайну сельпо», но обязательно сделать НЗ, на случай, если манна небесная прекратится.

На общепоселковом собрании проголосовали за отмену денег и обеспечение продуктами согласно нормам питания, а товар, количество которого ограничено, будет выдаваться по спискам на день появления. Люди заговорили об испытании модели коммунизма. Когда находясь в беседке, увидела щит с рисунком спешащего паровоза, подумала, что он уже дошел до станции Коммунизм. Она оказалась в поселке «Старая мельница».

Вечером на нашей площадке были организованы танцы, на которые пришел весь поселок. У людей было праздничное настроение, несмотря на то, что туман никуда не исчез и солнце не показалось. Голод нам не грозил! Правда рыбу было решено продолжать ловить, потому как запасов мяса в магазине никогда не было, за ним раньше ездили на станцию, где

находилась мясная лавка.

...От всего сердца люблю я только одну жизнь и, поистине, больше всего тогда, когда ненавижу ее!

Фридрих Ницше

На фоне этого, казалось бы, радостного события, мы совсем упустили из вида, что есть люди, не смирившиеся с тем, что их родные пропали, и никто их не ищет — боятся заходить за туман.

Первым не выдержал младший близнец. Братья поссорились, Тарас кричал на Пахома, что он не любил маму, поэтому так легко сдался. В результате они крепко подрались, а утром Тарас исчез вместе с котомкой, бутылкой молока, краюхой хлеба, испеченной бабушкой накануне, и сменой портков. Пахом кинулся к арке и почти догнал брата, но тот, увидев погоню, тоже припустил и проскочил границу. На зов не откликнулся и не вернулся.

Следующей пропала жена водителя Авдотькина. За день до этого она делилась с подругой, что без него нет жизни, поэтому хочет найти и вернуть в семью. А если у того и правда есть зазноба в районе, так хоть космы ей повыдергивать для восстановления душевного равновесия. Больше Авдотькину никто не видел.

Оба эти случая были записаны в тетрадь, которая получила у жителей название «Загадочная книга».

Вскоре поселок взбудоражило еще одно событие, которое напугало своей необъяснимостью.

— Пелагея Петровна, — крикнули с крыльца, — вы дома?

За дверью стояла пара молодоженов, на чьей свадьбе весь поселок гулял весной. У Василисы были заплаканные глаза, за спиной мялся муж. Я широким жестом показала направление куда идти. Карповы нерешительно прошли в комнату, где ба сучила козью шерсть. Увидев гостей, она остановила веретено и сняла с колен мешочек с пухом. Чета села на диван, Антон обнял жену за плечи. Та сторбилась и заплакала.

— Кира, принеси воды, — сказала бабушка мне, и уже гостье, — Василиса, перестань плакать, ребеночку вредно.

Тут женщина зарыдала в голос и сквозь слезы крикнула:

— Нет ребеночка, нет!

— Кира,хвати отвар валерианы и пустырника! — я тут же взяла бутылку и, зачерпнув воду в ведре, поспешила в комнату. Ба сидела на диване и утешала Василису. Налив четверть стакана отвара, разбавила его водой и протянула плачущей. Женщина взяла трясущимися руками и поднесла ко рту. Не сразу смогла выпить, прорывающиеся рыдания не позволяли сделать глоток. Наконец допив, постепенно стала затихать, склонив голову к плечу мужа. Тот погладил ее по руке и начал говорить.

— Мы так радовались, что у нас будет ребенок, он уже шевелился, и я начал мастерить кроватку.

— Говорила, говорила тебе, что не надо ничего заранее делать, примета плохая, — простонала Василиса.

Мужчина поморщился и продолжил.

— Он перестал шевелиться. Сначала мы думали, что это от испуга Василисы после

взрыва, но потом живот стал уменьшаться, и вот теперь мы вообще не уверены, была ли беременность.

Василиса опять заплакала:

— Как такое может быть, а?

Бабуля покачала головой:

— Не знаю. Если вы связываете это с взрывом и туманом, то нужно опросить женщин. В поселке были другие беременные.

Потом взяла тетрадку и сделала запись под номером 36: «28 августа 1941 г., Василиса Карпова, 20 лет, предполагает, что беременность прервалась (рассосалась)».

После обеда женщины штаба пошли в амбулаторию. Я увязалась с ними. Фельдшера не было, он еще до взрыва уехал в отпуск к родне, но так и не вернулся. Мы нашли книгу с записями и вскоре выяснили, что в поселке должны быть еще три беременные, причем одна из них — жена аккордеониста.

Мы обошли всех по очереди. Картина была удручающая — ни у одной из них беременность не развивалась. По разным причинам они не стали делиться этим открытием, но когда мы рассказали, что они не одни такие, то получили исчерпывающую картину — не было кровотечения, ничего не болело, просто было ощущение, что кто-то пустил время вспять и беременность исчезла.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Так в бабулиной «Загадочной книге» появились еще три записи.

Лето заканчивалось, стало холодать. Не было дождей, просто ветер перестал быть теплым. Яблочки в нашем саду так и не вызрели, но их все равно собрали.

Появилась проблема, как быть с теплой одеждой. Постоянные жители поселка оказались в преимущественном положении, а вот приезжие «дачники» не имели ни обуви, ни пальто. В списках сельпо значились фуфайки в количестве пяти штук, демисезонное пальто мужское одна штука и женское — две штуки. Брюки, шаровары, сапоги кирзовые, яловые, боты, галоши, валенки тоже были на складе, но все в ограниченном количестве. Поэтому штаб сделал списки нуждающихся, и каждое утро, как в магазине восстанавливалось количество выданного вчера, очередники получали свою одежду. Понятно, что размеры не изменялись, и все вещи перешивалось, переделывалось под человека. Вот с обувью дела обстояли сложнее, но и здесь находился выход, большое — не маленькое, носить можно.

Пробовали на ночь в магазине оставлять свои вещи, в надежде, что и они начнут появляться утром, как остальное, не получилось. Прирастало только то, что было в сельпо на момент взрыва.

Началась осень и заговорили о том, что детям нужно учиться. Школа осталась за пределами тумана, поэтому в конторе поселкового совета сделали один класс, собрали туда все книги и учебники, карандаши и бумагу, которые нашли по домам и в магазине, переписали детей и собрали их по группам. Добровольцы из числа жителей вызвались преподавать школьные науки. Я тоже попала в список и теперь вставала еще раньше, чтобы до школы обойти владения и проверить границы тумана.

В беседку я ходила в любую погоду. Холодно, море штормит, ветер, обжигающий морозом до костей — ничто не могло помешать. Я и Дик, как часовые, несли свою вахту с пяти часов утра. Иногда не могла сидеть на каменных ледяных скамейках, тогда описывала круги, стараясь унять озноб. Но чаще я обнимала Дика, зарываясь руками в шерсть. Собачье

тепло не давало замерзнуть.

Бабушка знала о моих посиделках и переживала, что я заболēju, но с этой боязнью пришло осознание еще одного чуда. За все время в поселке никто не захворал. Не было ни одного чиха! Даже старики не жаловались на ломоту в костях при смене погоды. Дед Матвей перестал хромать и брал клюку только для того, чтобы отгонять собак.

Зимними вечерами, когда серость рано превращалась в темноту, все поселковые разделялись на группы по интересам. У кого-то в доме пели. Песня «Катюша» — самая любимая. У аккордеониста устраивались танцы, но его небольшой дом вмещал мало людей, поэтому там собиралась в основном молодежь. В нашем доме проводили вечера люди постарше. Бабушка откуда-то достала переносной патефон в виде чемоданчика и несколько граммофонных пластинок, с которыми обращалась очень бережно, как со стеклом. Заводился этот английский агрегат с помощью вращающейся ручки, и, благодаря этому, мы могли слушать песни и арии Шаляпина, Собинова и разную оркестровую музыку. «Эх, дубинушка, ухнем», — шипел, хрипел и орал патефон, громкость которого не регулировалась. Но зато летом, когда чемоданчик выставлялся на подоконник, вся улица могла танцевать под «Брызги шампанского».

*Ты говорила,
Что не забудешь
Ласковых, радостных встреч.*

*«Синий платочек» Музыка Ежи Петербургский, слова
Яков Галицкий*

Мы с бабушкой, как и большинство жителей, старались быть занятыми делами в поселке, помогать людям, поддерживать и подбадривать нуждающихся в утешении. Некоторые отчаялись от этой серости, безысходности. Солнца не хватало всем.

Иногда и нас накрывало. Тогда мы плакали, скрываясь друг от друга, боясь вызвать ответную душевную боль. Особенно тосковали по маме. Если в первое время была надежда, что родители вот-вот появятся, то потом пришло понимание: если не смогли прорваться они, то никто этого не сделает. Мамина энергия и папины возможности раньше казались мне безграничными. Но, увы... Страшилась думать, что родных нет в живых, как и тех, кто ушел из поселка. Какая сила могла сотворить такое? Но вопреки всему сердце верило — существует такой человек, который прорвет пелену тумана.

Сидя в беседке, непроизвольно крутила в руках часы. Иногда представляла себе, что стрелка вдруг сдвинется, начнет отсчет времени, и в лучах восходящего солнца появится Он. Но нет, она намертво застряла на месте, как и солнце, где-то там за горизонтом.

Часто видела один и тот же сон. Он улыбался и смотрел с такой нежностью, что замирало сердце.

Просыпаясь в слезах, долго не могла успокоиться. Правда, не было уже ощущения горя, безвозвратной потери. Тихая грусть и надежда.

Дни сменялись днями, шло время, а с ним и годы. По «Загадочной книге» можно было проследить, что происходило в поселке. Иногда жители спорили, правильно ли указана дата? В итоге все запутались. Сначала пользовались отрывным календарем, а потом никто не додумался сделать его вручную. Когда хватились, было уже поздно.

Записи делались разными лицами, обычно это была бабушка или я, но иногда писал кто-то из членов штаба. Здесь были описаны и курьезные случаи:

«Запись № 45. 7 ноября 1941 года праздновали 24 годовщину Октябрьской революции. После речи председателя, доложившего о готовности поселка к зиме, в сельсовете были устроены танцы, на которых возникла драка между отдыхающим Сопрыкиным и местным рыбаком Дюжевым на почве ревности (дама сердца Федюшина). В результате чего Сопрыкин лишился двух передних зубов. Через два месяца Сопрыкин щеголял новыми зубами. По его утверждению ежедневное полоскание рта чудесной водкой из магазина, способствовало появлению верхних резцов.

Запись № 46. 27 февраля 1942 года создана комиссия при магазине для контроля над выдачей водки.

В результате неуместной пропаганды чудесных свойств водки и демонстрации

зубов, проводимых Сопрыкиным, пошло брожение среди населения, что привело к пагубным последствиям, в том числе:

1. Водку в неумеренных количествах стал потреблять дед Ефим, надеясь, что вырастут зубы, потерянные им еще до первой мировой войны. Результат: новые зубы не выросли, но к утру всегда проходил бланш под глазом, поставленный его супругой накануне (примечание: бланш обновлялся ежевечерне).

2. Дама сердца Федюшина стала делать примочки водкой для омоложения лица, в результате чего был получен ожог обоих глаз. Ожог прошел в течение двух дней, но глаза поменяли цвет с голубого на грязно-зеленый (примечание: это не понравилось Сопрыкину и Федюшина перестала быть дамой его сердца).

Запись № 47. 8 марта 1942 г. по просьбе Федюшиной Дюжев выбил Сопрыкину клык и коренной зуб. Весь поселок наблюдал, как Сопрыкин уговаривал водочную комиссию выдать ему сверхлимитный паек. Получил отказ. Пытался полоскать рот самогоном. Результат: зубы выросли только через четыре месяца.

Приписка: Водка действительно чудесная?»

Лето сорок второго года принесло только разочарование. Деревья так и не пришли в себя после зимней спячки. Из-за отсутствия солнца и повышенной влажности всюду появился мох, но не зеленого, а серого цвета. Запасы засушенной с прошлого года травы подошли к концу, животных, которых осталось после зимы очень мало, стало нечем кормить. Наша коза отказалась есть мох, но обгладывала кору с деревьев, и этого ей явно было недостаточно. Молоко пропало еще зимой и бабушке очень тяжело далось решение зарезать козу. Ее отвели к соседу и назад мы получили банки с солониной. Ба отказалась есть это мясо категорически.

«Запись № 53. 30 августа 1942 года. Рыбак Дюжев с товарищами сделали попытку миновать границу, проплыв под водой у маяка, где туман казался не таким плотным. Дюжев должен смочь задержать дыхание максимально долго. На тренировки ушло два месяца и получен невероятный результат — пять минут. Этот день был выбран как безветренный и течение в этом месте не должно помешать эксперименту. К торсу Дюжева привязали веревку и обговорили условные сигналы. Через четыре минуты после нырка Дюжева с лодки у кромки тумана, трос дернуло дважды и товарищи вытянули бездыханное тело рыбака. Благодаря умелым действиям по спасению, дыхание восстановилось. Дюжев не мог рассказать, что с ним случилось, с момента погружения под воду он ничего не помнил.»

Были и другие попытки преодолеть туман или хотя бы изучить его свойства. Несколько человек-энтузиастов разработали целую программу экспериментов. Они привязывали к лапке крысы веревку и пускали ее на другую сторону моста через реку, где клубился туман. Было замечено, если крыса вошла в туман на метр, ее можно было вернуть, но если больше, назад возвращалась пустая веревка. Это повторяли в разных точках по периметру поселка. Результат один — лазейки в тумане нет.

Постепенно люди стали привыкать к неменяющемуся туману, уже не видели в нем врага, просто соблюдали осторожность. Также как и с морем: в воде можно утонуть, и в

этом нет ничего сверхъестественного.

Зима сорок третьего выдалась крайне суровой, на дворе стояли небывалые морозы. Были организованы бригады по рубке леса, сбору сучьев, разбору старых деревянных сараев. На общепоселковом собрании приняли решение по уплотнению жилища на зимний срок, так как запасы древесины в пределах границы быстро уменьшались. Договорились не вырубать деревья подчистую, так как оставалась надежда, что когда-нибудь появится солнце, и они оживут. К нам переехали две женщины из штаба, к Марте — семья из четырех человек.

Благодаря активу поселка, Ивану с женой, нашему штабу, у жителей поддерживался боевой дух и осуждались упаднические настроения. Мы выпускали газеты, в которых подробно описывались любые достижения. Жена председателя Мария Ильинична оказывается хорошо писала стихи, аккордеонист некоторые из них перекладывал на музыку и организовывались концерты. Частушки на злобу дня были украшением наших посиделок.

Люди активно работали, чтобы меньше оставалось времени для уныния. Проводился ремонт домов, весной они обязательно белились, чтобы создать видимость новизны, обновления. Штакетники же красились зеленой краской, по цвету молодой листвы особенно скучал глаз.

Детей тоже не оставили без внимания. Еще морозной зимой, когда все сидели по домам, был организован кукольный театр. С каким удовольствием шились петрушки! Бабушка достала сундук с тканями и лоскутами и все, кто умел держать иглу в руках, предались этому творческому процессу.

Весной состоялась премьера, на которую собрался весь поселок. Играли «Золотой ключик», за основу взяли фильм, вышедший на экраны страны в тридцать девятом году. Там в конце всех кукол забирали в чудесную страну, где не обижают слабых и все живут дружно, а гадкие капиталисты оставались с носом. Я была Буратино и говорила тонким писклявым голосом. По просьбе сельчан сказку показывали почти каждую неделю в течение всего лета.

Позже под руководством Марии Ильиничны мы ставили и более серьезные вещи. В спектакле «Ромео и Джульетта», премьера которого состоялась летом сорок четвертого, солистами были Галя и Пахом. В конце, когда влюбленные погибали, у женщин стояли слезы на глазах, но это были счастливые слезы. Любовь была нужна всем.

Постановку за лето показали раз десять, и зрители стали замечать, как все жарче и жарче Ромео целует Джульетту. Если на земле останутся хотя бы одна женщина и один мужчина, любовь будет жить.

При общем здоровье жителей, обидно было видеть, как люди уходили из жизни. Но это тоже оставалось под вопросом. Может, они просто уходили из нашей жизни? Для этого использовался туман. В белую непрозрачность ушла бабушка близнецов, так и не дождавшись возвращения дочери и Тараса. Но решилась она на этот шаг только после исчезновения последнего родного человека — внука Пахома. Лодка с ним и еще тремя рыбаками была унесена в туман вдруг налетевшим штормом осенью сорок четвертого года. Этот случай потряс весь поселок.

Особенно было жалко Галчонка, она почернела от горя, и я проводила возле нее большую часть дня. Сначала делала это по просьбе ее мамы, потом уже сама тянулась к подруге.

Время лечит — это правда. Забыты детские поступки, теперь мы смотрели на прошлое другими глазами.

— Ну почему, почему это случилось с нами? — жаловалась, всхлипывая, Галя, — В чем

я провинилась перед судьбой?

Сочувствовала и понимала ее горе, все эти годы сама задавалась теми же вопросами.

— Мы так хотели быть вместе, сыграть свадьбу, а теперь? Кто я? Ни жена, ни невеста, — плакала, уткнувшись в мое плечо, — я ему всю себя отдала, так любила крепко.

— Что, у вас и ЭТО было?

— Было, — закрыла лицо руками Галка, — не удержались.

— А если ты забеременела?

— Пусть. Хотя вряд ли, — подняла голову и, вытирая нос мокрым от слез платком, глухо произнесла, — Ты заметила, за все три года ни одного ребеночка в поселке не появилось? Жутко, да?

Пришлось согласиться. Может это и к лучшему. Неизвестно, что ждет впереди, а тут груднички, да без солнца.

Все эти годы по-прежнему проводила утренние часы в беседке. Неизменно туда прибегал Дик, мой верный товарищ, друг, с которым так спокойно было смотреть вдаль. Как молитву повторяла за ветром, дующим с разной силой, «Где ты? Я жду!», в надежде, что он донесет мои слова и меня услышат. Порой засиживалась надолго. Не могла уйти.

Несколько раз казалось, что вокруг происходит что-то странное. Сначала настораживался Дик, шерсть на загривке поднималась дыбом, он рычал, коротко лаял и смотрел в одну точку. Прислушивалась, и мне казалось, что кто-то разговаривает, ходит, шурша песком. Списывала это на шум моря, ветра и разыгравшееся воображение. Собака тоже быстро успокаивалась и опять усаживалась рядом, ожидая ласки.

Все было так, пока однажды я не услышала знакомый мотив песни «Синий платочек», доносившийся со стороны моря.

Наизусть знала ее и часто подпевала, слушая дома в Москве пластинку с записью голоса Изабеллы Юрьевой. Наш аккордеонист тоже лихо исполнял этот вальс:

Синенький, скромный платочек

Падал с опущенных плеч.

Ты говорила,

Что не забудешь

Ласковых, радостных встреч.

Порой ночной

Мы распрощались с тобой...

Нет больше ночек!

Где ты, платочек,

Милый, желанный, родной?

Но каково было мое изумление, когда я разобрала совсем другие слова! В память врезался этот звонкий голосок и текст, который моментально запомнила:

Двадцать второго июня,

Ровно в четыре часа

Киев бомбили,

Нам объявили,

Что началась война.
Кончилось мирное время,
Нам расставаться пора.
Я уезжаю,
Быть обещаю
Верным тебе до конца.

Что это? Откуда взялся голос, если возле беседки близко никого нет? Дик тоже странно себя повел: прижал к голове уши, заметался.

Как песня неожиданно началась, так и внезапно закончилась. Пес постепенно успокоился. Посидев с полчаса, в надежде, что что-нибудь услышу, убежала домой и попросила бабушку достать «Загадочную книгу».

Там написала: «Запись № 106. Предположительно 10 апреля 1945 г. Кира Рокосовская в беседке слышала песню „Синий платочек“ с неизвестными словами».

*Но грозный час борьбы настал,
Коварный враг на нас напал.
И каждому, кто Руси сын,
На бой с врагом лишь путь один.*

*Марш «Прощание славянки» Музыка В.И. Агапкина
(1912 г.), автор слов — неизвестен (1914 г.)*

Сначала в дом пришли члены штаба, потом уже большая часть поселка, узнав о невероятном происшествии, собралась под нашими окнами. Я опять и опять зачитывала услышанные слова.

Позже появился запыхавшийся Иван с женой. Они уже не ждали комиссию из района, но продолжали вести протоколы. На случай, если туман спадет, и у председателя спросят, чем занимался все эти годы. Он поначалу скептически отнесся новому тексту песни, как всегда выискивая объективные причины всему необычному, вплоть до того, что мы сами все выдумали. Только случай с магазином поколебал его уверенность, о чем женщины из штаба тут же напомнили.

Высунувшись в окно, на подоконник которого уже поставили по его просьбе графин с водой и стакан, председатель, взяв «Загадочную книгу» в руки, громко зачитал последнюю запись.

Потом, сделав паузу, обратился к сельчанам, стоящим во дворе и за забором:

— Товарищи! Если не брать под сомнение рассказ Киры, то как расшифровать слова песни? — сделав паузу, оглядел замерший народ, — Рассмотрим каждую фразу отдельно:

Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа
Киев бомбили.

Как вы помните, именно в этот день в пять пятнадцать прогремел взрыв на пляже. И получается, что это не простое совпадение! Бомбили не только нас, но и Киев, а возможно и другие города Советского Союза.

Нам объявили,
Что началась война.
Кончилось мирное время,

По какой-то причине, нас не смогли предупредить, что война началась. Возможно, район был разбомблен, и просто некому было прийти. Теперь многое становится ясным. Все, кто отбыл из поселка, попали под бомбежку или вынуждены были эвакуироваться!

Нам расставаться пора.
Я уезжаю,
Быть обещаю
Верным тебе до конца.

Эти слова говорят о том, что все мужчины пошли на защиту Родины! Поэтому считаю неправильным отсиживаться здесь. Необходимо провести мобилизацию и пополнить ряды Советской армии. Может быть, враг специально напустил этот туман, чтобы легче было справиться с народом!

В толпе раздались одобрительные мужские крики, женщины запричитали, заплакали.

— Предлагаю прямо сейчас готовить списки добровольцев. Чем быстрее мы организуемся, тем быстрее поможем Отечеству! Оно в опасности, бьется за нас, за наше счастливое будущее! Неужели мы останемся в стороне? Кира, дай бумагу моей жене, пусть пишет. Под номером один ставь мою фамилию.

У жены выпали листки протокола из рук, и она не смогла остановить град слез, пришлось дать ей воды.

Из толпы кто-то выкрикнул:

— А кто враг-то?

Председатель почесал затылок, из-за чего кепка съехала на глаза. Он в волнении даже не заметил, что не снял ее, войдя в дом.

— Давайте, рассуждать, — медленно протянул Иван, — что было накануне двадцать второго июня сорок первого года? Пакт Молотова — Риббентропа, подписанный в тридцать девятом году — о ненападении и соблюдении нейтралитета Германией и Советским Союзом. Значит, Германия отпадает! Тогда кто? Англии и Америке не понравилось, что был заключен этот договор, и что к нам отошли земли Прибалтики, Бессарабии и часть Польши. Может они развязали войну?

Заглушив ропот толпы взмахом фуражки, оголившей вспотевший лоб, председатель закончил:

— Кто бы ни был нашим врагом — Родина в опасности и ее следует защитить!

Тут к окну подошла Марта:

— Прошло почти четыре года, может война закончилась?

— А почему тогда туман не ушел? — резонно спросил Иван, — Зачем нас держать в неведении? И кому это выгодно? Только врагу. Напугать нас хочет, разобщить. Значит, нужно идти на борьбу, дать отпор! А не сидеть, как мыши по норам — нам здесь тепло и сытно. Не пора ли действовать?

Жители поселка «Старая мельница» стали вставать в очередь для записи. Мужчины, старики и подростки — за всех цеплялись женщины, заранее оплакивая их, не веря, что кто-то вернется.

Ба, посмотрев на мальчишек, с сомнением произнесла:

— А мальцов куда? Тоже на войну? Давай, оговорим возраст добровольцев.

Иван, обняв прильнувшую к нему жену, откликнулся:

— Записывать всех, кто старше восемнадцати и младше пятидесяти пяти.

Тут запричитала его супруга, — Тебе же шестьдесят! А ты куда?

— Прости, Маша, не могу больше в стороне быть! Себя потерял. Я за всех них в ответе

поэтому первый идти должен!

— А туман? Пропустит ли он вас, останетесь ли живыми, не сгинете ли? — Мария Ильинична села на диван, безвольно уронив руки.

Председатель опустил рядом и стал тихо объяснять, как ребенку, которого нужно уговорить:

— Ну, чего ты, Маша? С чего ты решила, что мы сгинем? Не вернулся никто? Так может просто не могли, не сумели найти в тумане обратную дорогу или заняты были более важными делами. Мы же не раз с тобой это обсуждали. Потом, никто из нас не видел мертвых, поэтому сомнение остается, ждет ли там смерть? Или все иначе? Ведь слова песни показали, что жизнь за пределами продолжается, вот мы и посмотрим. Люди устали от неизвестности, изо дня в день одно и то же. Прозябаем. Помнишь, ты сама недавно про это говорила?

— Да. Гончаров. «Лишь бы жить полной жизнью, лишь бы чувствовать свое существование, а не прозябать!», — бесцветным голосом проговорила Мария Ильинична, муж ее обнял и стал что-то ласковое шептать на ухо. Мы отвернулись, стало неудобно быть свидетелем этой сцены нежности.

Если председатель, обычно осторожный человек, решает идти в бой, конечно, и другие тоже за ним потянулись. Часто случается в жизни такое — никак не можешь решиться на поступок, но, если появляются единомышленники, то тоже идешь с ними, отменяя прежние страхи. Даже страх перед туманом.

Мария Ильинична карандаш удержать не могла — руки тряслись, поэтому за списки взялась я. Писала долго, отгоняя тех, кто не подходил по возрасту, и не поверила своим ушам, когда услышала:

— Запиши и меня, Нарышкина Галина, девятнадцать лет.

Подняла глаза на Галчонка:

— Ты чего?

— Пиши! Я все продумала. Кем угодно буду — поварихой, медсестрой, нянечкой — главное быть там. Может, и Пахом сейчас воюет. Найду его. А нет, значит не судьба. Не могу больше жить в неизвестности. Пиши, пожалуйста!

Весь поселок вышел провожать наш небольшой отряд. Всхлипы в толпе, глухой гул мужских голосов, громкий командный голос Ивана, старающегося построить добровольцев, суэта и страх ожидания того, что будет за туманом — таким было это серое утро. Потом аккордеонист заиграл марш «Прощание славянки» и отряд тронулся в путь.

Впереди шел председатель поселкового совета Иван, рядом аккордеонист, он тоже вызвался добровольцем. Строй завершала Галя, одевшая по этому случаю мужские штаны, фуфайку и шапку ушанку. За спиной у нее болталась котомка со скатанным в рулон шерстяным одеялом.

Я побежала следом. Галчонок остановилась, крепко обняла меня и проговорила в плечо:

— Прости меня, Кирюха, за все! Прощай! Не поминай лихом! — и, поцеловав мое заплаканное лицо, побежала догонять отряд.

Я рыдала в голос. Было страшно отпускать в неизвестность своих друзей, знакомых, с кем прожила бок о бок последние годы. Сзади подошла Марта и прижала к себе, успокаивая:

— Тшшш...

Это было так знакомо, что я опять заплакала, вспоминая Его.

Все провожающие затихли, когда отряд подошел к туману и люди один за другим

начали исчезать в белом молоке.

— Галя! Дочка! — истерично закричала Екатерина, но в ответ только тишина, ни музыки, ни звука шагов.

Мы с Мартой подбежали к ней, готовой шагнуть в туман за дочерью, и увели подальше, сдерживая ее порывы вернуться. Потом, когда все разошлись, отпаивали ее дома бабушкиными успокоительными отварами.

Я спрашивала себя, следовало ли идти вместе с Галчонком? Может там, за туманом, кроются все ответы на вопросы? Но неизвестность страшила. Почему ни один человек не вернулся? Почему за эти годы никто не посетил наш поселок извне? Есть ли что-то за туманом или мы последние, кто остался на Земле? Откуда тогда голоса, звуки, которые слышала?

Самое главное и решающее — ни за что не смогла бы оставить поселок. Здесь все началось, здесь же должно закончиться. Я не сомневалась!

Размышляя о произошедших событиях, отправилась к беседке, хотя время было послеобеденное. Уже подходя к ней, заметила, там люди: Марта, дед Матвей и две женщины из штаба. Когда хотела поинтересоваться, что они здесь делают, и почему у всех такие загадочные лица, Марта показала знаком, чтобы молчала.

Села рядом и прислушалась. Весенний ветер трепал волосы, но он же приносил незнакомые звуки, будто работало радио. Но этого не могло быть, электричества в поселке нет!

«В течение четырнадцатого апреля на Земландском полуострове северо-западнее и западнее КЕНИГСБЕРГА войска 3-го БЕЛОРУССКОГО фронта с боям заняли более 60 населённых пунктов и среди них АЛЬКНИКЕН, РАНТАУ...»

Звук ушел, растаял, но потом опять появился:

«... В боях за четырнадцатое апреля в этом районе войска фронта взяли в плен более семи тысяч немецких солдат и офицеров».

Речь оборвалась и больше, как мы не вслушивались, ничего не было.

Выдохнули и загалдели одновременно:

— Что это? Откуда? Как?

— Тетя Марта, а что было до этого? — это уже я спросила.

— Кирочка! Родная! — Марта крепко обняла меня и расцеловала в щеки, — Мы услышали слова «От советского информбюро» и не поверили, а потом еще и еще! Это же чудо!

— Хотели начать дежурить в беседке, поэтому собрались здесь! — зачастила соседка, — Просто не верится! Нужно всем рассказать!

— Товарищи! Представляете, что это значит? — дед Матвей потряс тростью, — Это значит, что идет война с немцами на их территории! Кенигсберг — это германский город! И мы побеждаем, раз берем пленных в таком количестве!

Все мы, не сговариваясь, заорали, — Ураааа!

— Так, — взяла слово Марта, как только наши восторженные крики стихли, — будем дежурить по очереди.

— Я буду с пяти до шести утра! — вставила я, на что Марта кивнула:

— Остальных распишем в штабе.

Мы поднялись и пошли в поселок, только дед остался на месте, попросив не трогать его, будет приходить-уходить когда захочет.

Жители ликовали до вечера. Весть всех ободрила — хоть какая-то определенность за пять лет молчания «большой земли».

Но дежурившие люди в последующие дни ничего не слышали. Прошло более двух месяцев, а результата так и не было. Вспыхнувшая было надежда, сменилась унынием. Всех мучила неизвестность и печаль по ушедшим в туман. Некоторые не выдерживали и целыми семьями покидали поселок. Ушла Екатерина, Галкина мама, оставив нам с бабушкой прощальную записку. Теперь в магазине работала я.

Упрямо продолжала верить, что все будет хорошо. Без устали твердила: Он обещал и обязательно вернется! Невероятное — возможно!

Мы все, жители «Старой мельницы», убедились в этом. Разве не так?

Двадцать второго июня сорок пятого года было особо тоскливо после вчерашнего разговора с бабушкой. Я застала ее плачущей, она тоже захотела уйти в туман, звала с собой.

Мне стоило больших сил успокоить бабулю, отложить решение. Ругала ее за малодушие, обращалась с мольбой не оставлять меня, обещала подумать, как быть дальше. Утром, идя в беседку, размышляла об этом. Как долго продлится неизвестность? Жизнь ли это? Или мы давно не живем, и это место называется ад? Может, и бог существует, и наказывает так за неверие?

Не зная, у кого получить ответы, обратилась к серому небу. Поднявшись на парашут беседки, крикнула вдогонку ветру, дующему с моря:

— Почему так несправедливо? Где те, кого мы любим? Где мама, папа? Где мой Ингмар?

Впервые за четыре года назвала его по имени! Мне так захотелось, чтобы он откликнулся!

Набрав в легкие воздуха, громко позвала:

— Ингмар! Ингааа!

*Мир — это все, что заключено здесь.
Жизнь, смерть, люди и все остальное, что окружает нас.
Мир необъятен и непостижим.
Мы никогда не сможем понять его.
Мы никогда не разгадаем его тайну.
Поэтому мы должны принимать его таким, как он есть, —
чудесной загадкой.*

Отдельная реальность Карлос Кастанеда

Открыл глаза. Мутный поначалу свет стал проясняться, появился фокус, предметы надо мной приобрели четкость. Дощатый беленый потолок, лампа, спрятанная под жестяной колпак, лицо девушки в белом платке, склонившееся надо мной.

— Доктор, доктор! Идите сюда скорей! Он очнулся!

— Ну-с, дорогой, как вы себя чувствуете? — прохладная рука доктора на запястье, в другой он держит луковицу часов на цепочке, немного молчит, — Великолепно!

Отпускает мою руку, укладывая на кровать. Мягкое похлопывание по ней, как одобрительный жест.

— Батенька, а вы нас напугали! Но теперь я твердо уверен, что вы поправитесь. Глаша, займись человеком. Еды ему, бульона, ложек пять, не больше.

Сверкнув стеклами очков, доктор вышел.

Мысленно обследовал свое тело. Ничего не болит, только слабость. Попробовал пошевелить руками, ногами, повертел головой — все работает. Что я здесь делаю, почему в больнице?

Оказывается, задал вопрос вслух. Медсестра тут же отозвалась.

— Это госпиталь, — она принесла кружку с чем-то дымящимся и поставила на тумбу. Помогла сесть, взбив подушку и подложив ее под спину. Взяла ложку и набрала в нее немного мутной жидкости.

— Вы поступили неделю назад, сильная контузия. Все это время были без сознания, иногда только имя произносили. Кира.

Послушно сглотнул бульон.

Кира. Сразу появился образ девушки с длинными косами, ее улыбка, взгляд блестящих глаз. Защемило сердце.

Непроизвольно потер грудь, медсестра вскинула глаза:

— Болит?

— Болит. Где я?

— Кенигсберг. Врача позову?

— Нет, не надо, — сделал очередной глоток, — Как я здесь оказался?

— Доставили вместе с другими ранеными вашей части.

— Это Германия?

— Да. Отдыхай, милый. Скоро все отдохнем. Война заканчивается.

— Война?

Девушка удивленно посмотрела на меня и пошла за доктором.

Стою в солдатской шинели на вокзале. В руках вещмешок, там документы на имя Боргова Игоря, моего, двадцать пятого года рождения. Дата и месяц тоже совпадают. Теперь я товарищ Боргов. Говорят, поступил с этими документами. Зеркало в госпитале отразило мужчину, в котором с трудом узнал себя. Сначала думал, что из брюнета превратился в блондина, но потом, приглядевшись, понял — это седина. Медсестра Глаша, видя реакцию, сказала, что на моей спине есть застаревшие шрамы, которые вовремя не зашили, поэтому выглядят они ужасно.

Я знаю, как их получил.

Паника, начавшаяся в госпитале, когда осознал, что ничего не понимаю, погашена, благодаря доктору и лекарствам. Осталось ощущение большого обмана. Я обманул или меня обманули? Не важно. Я еду к Кире. Она ждет в нашей беседке у моря, там, где оставил. Она примет меня таким, какой есть. Откуда такая уверенность? Знаю и все. Безоговорочно. Как то, что люблю.

Зашел в привокзальный буфет, молоденькая продавщица улыбнулась:

— Вы, наверное, за кипятком?

— Нет, спасибо. Я хотел спросить, где можно найти машину, хочу доехать до поселка «Старая мельница».

Он задумчиво посмотрела на меня:

— Старая мельница? Впервые слышу такое название. Но я здесь всего год, спросите у милиционера, вон, у второго входа стоит.

Тот проверял документы у мужчины в гражданском. Протянул ему свои бумаги, он же, ознакомившись и вернув их, стал внимательно оглядывать подходящих к вокзалу людей.

— Разрешите спросить, — начал я, решив узнать, существует ли вообще поселок, — как добраться до «Старой мельницы»?

И опять недоумение в глазах.

Я забеспокоился. Неужели поселок больше не существует и никого не осталось?

— Честно говоря, я здесь пару месяцев, и не могу знать. Советую обратиться к сапожнику, за углом его будка. Он из старожилов, может, подскажет, — и занялся следующим человеком, входящим в помещение, — Ваши документы?

Старая будка и не менее старый сапожник выглядели темным пятном на фоне недавно побеленного здания вокзала. Старик прибывал набойку к башмаку, ловко орудуя молотком. Когда я задал вопрос, он выплюнул на ладонь мелкие гвозди, которые зажимал в губах, и недоверчиво посмотрел. В глазах блеснул огонек интереса.

Обернувшись, достал из будки скамеечку, поставил перед собой и жестом показал сесть.

— Вопрос, конечно, занятный, — отложил металлическую лапку вместе с ботинком, отряхнул кожаный фартук, — ты оттуда, что ли?

— Оттуда, — кивнул.

— Да, первый раз вижу живого жителя этого поселка.

От слов «живого» засосало под ложечкой, но не успел спросить, как старик продолжил:

— Ты, парень, не дрейфь, мертвецов тоже не видел. Но я туда больше ни ногой, и тебе не советую. Да, ладно, не пугайся! — встал и начал снимать с себя фартук, — Давай так, у меня сейчас перерыв, пойдем в пивную, поговорим по душам. Ты мне расскажешь об этом поселке, я тебе. Потом и решишь, стоит ли туда ехать.

Помог старику занести вещи в будку, подождал, когда навесит замок и повернул в ту сторону, куда дед махнул рукой. Шел медленно, видя, что ему идти трудно.

— Меня кличут Назаром, а ты кто, служивый?

— Ин... Игорь Боргов.

— Игореша, значит, — старик вошел в накуренную комнату с несколькими круглыми высокими столами, за которыми стояли местные мужики, и тихо переговаривались, потягивая пиво.

Старик, лавируя между ними, прошел к рыжей даме, гремящей посудой за прилавком, кивнул в мою сторону, та налила пару кружек и положила на тарелку несколько пирожков из корзинки. Помог деду донести харчи до свободного стола, где старик, подтащив табурет, уселся, я же, повесив вещмешок на крюк под столом, остался стоять.

— Ну, рассказывай, — пододвинув ко мне кружку, Назар отхлебнул из своей. Вытер привычным жестом пену с усов, — Давно там жил?

— С детства отдыхал каждое лето, — пить не стал, хотел иметь ясную голову.

— Ну и как там было?

— Поселок, как поселок. Дачники и местные. Море, пляж, танцы.

— Ничего такого не замечал? — почему-то перешел на шепот.

— Все, как и везде. Не тяни, старик, что случилось? Почему о поселке не слышали? Неужели на станцию никто оттуда не приходил?

— Никто. Все четыре года ни души. Они словно разом исчезли.

Старик откусил пирожок, посмотрел на сизую картофельную начинку и продолжил:

— Не знаю, где ты, Игореша, был, когда началась война, но я встретил ее здесь, на станции. В пять утра двадцать второго июня был авианалет, и наш районный центр, можно сказать, стерли с лица земли. Оставшиеся в живых спешно покидали город.

Я не мог уйти, моя старуха, царство ей небесное, была лежачая, поэтому перетащил ее и уцелевший скарб в подвал дома. Вели себя тихо, как мыши, всего боялись. Немцы, вскоре занявшие город, на нас не обращали внимания. А обувь — она у всех есть, что русских возьми, что немцев. Вот, и починал ее, этим и жили.

Немцы железную дорогу восстановили и стали обживать, как хозяева. Захотелось им на море, а какой самый близкий поселок? Конечно, «Старая мельница», хоть и не был там ни разу, но слышал, дачники рассказывали. Взяли немцы меня короткую дорогу показать, еду, а самому боязно: уже месяца два, как прошло, а из вашего поселка ни одного человека видно не было. Может, вы все там затаились, а тут я гадов веду? Или разбомбило, как и нас? Весь в сомнениях. Но деваться некуда, дорогу показываю.

Выехали затемно, но как добрались до арочного указателя «Старая мельница» чуть развиднелось. Глядим, а поперек дороги столбы электрические лежат, словно специально порушенные, чтобы затормозить врага. Немцы всполошились, повыскакивали из мотоциклов, автоматы в руки похватали. Тут старший гаркнул что-то, все наземь бухнулись, двое вытащили гранаты и жажнули ими по кустам, что по сторонам от дороги тянулись. Аж арку скособочило! Когда все после этих взрывов улеглось-успокоилось, со стороны леса туман стал подниматься и языками на дорогу напоззать. Разделились автоматчики надвое, одни слева от дороги пошли, другие справа, и короткими очередями лес прошивают. А туман все гуще и гуще, вот-вот на дороге сомкнется. И случилось невероятное! Кого туман накрывал — стрелять переставал! Пока очухались, ни слева, ни справа ни одного автоматчика не видать! Ни стрельбы, ни криков. Старший офицер, что всеми командовал, орать начал что-то, видать ругался, а потом ткнул меня пистолетом в спину. А я никак не пойму, то ли застрелить хочет, то ли чтобы впереди него шел. Я и пошел. Страшно было до

жути!

Миновал арку, а тот опять что-то кричит, ну, я и припустил напрямик по дороге — на обочине, да в тумане ноги переломать раз плюнуть! Так и вбежал в поселок да рухнул обессиленный. Лежу, задыхаюсь и думаю: иль от натуги помру, иль пристрелят меня, все одно не жить. Вспомнил бабушку свою, жаль, в подвале без меня погибнет. Как отдышался, прислушался, а вокруг ни звука. Огляделся — нет никого, только странно как-то было. Воздух словно серостью припорошенный и цвета, как в кино — черно-белые. Вижу улица, дома целые, а людей нет. Магазин открытый, заходи — не хочу! На полках продукты, словно и нет никакой войны. Пакет с мукой в руки взял, а там мука черная, как уголь! Бутылку масла подсолнечного с полки снял, посмотрел на просвет, а оно белое, как мел. От испуга выронил, а масло не растеклось, а комом снежным на полу осталось.

Выбежал из магазина на улицу, не надо мне ничего из этого проклятого места! Вдруг слышу — аккордеон играет, да кто-то Катюшу поет. Пошел на звук, а в доме двери настежь, и никого нет! Побежал, как чумной, прочь, к морю, а там беседка белокаменная. Сел отдышаться, а рядом рычит кто-то, хотя пусто кругом.

Опять побег, уже по другой улице. Слышу звук странный, скрипучий — «Утомленное солнце» распознал, но опять никого! Что за чертовщина? Как на дорогу выскочил, уже и не помню. А там мотоциклы немецкие стоят, и ни души!

Только к вечеру до дома добрел, бабушку свою на тележку ручную погрузил и из города ушел. Там, на дороге меня наши встретили, которые партизаны.

Я им после об этом поселке рассказывал, ходили посмотреть. Говорили, что брошенный поселок, пустой. В магазин заходили, продукты порченые не взяли, но сапоги да ватники с собой прихватили.

Вот и думаю, что это тогда было? Почему произошел обман зрения и слуха? И куда немцы подевались? Одно скажу, нечисто там!

Дед передохнул, посмотрел в свою пустую кружку, бросил взгляд в мою. Молча, пододвинул ближе к нему, Назар с наслаждением за раз допил пиво. Оттер усы.

— Вот так, Игореша. Если тебе кажется, что я тут за кружку пива байки травлю, тс напрасно! За пиво, кстати, заплати, — хитро улыбнулся дед, — Я тебе больше скажу. Пытались люди обжиться в поселке, уже после освобождения от фашистов. А что? Дома целые, море рядом, живи, сколько хочешь! Столбы поставили, электричество провели, радио заработало, стали дома распределять, где кому жить, это еще в апреле было. Но всего недельку выдержали!

Опять музыка невесть откуда звучала, невидимая собака в беседке лаяла, а утром и того больше — кто-то на аккордеоне «Прощание славянки» играл. Похватили свои вещи и убежали из этого проклятого места. Больше попыток наведаться туда не было, и ты не ходи, Игореша. Здесь оставайся. Молодые ребята завсегда нужны. Война семьи разорила, мужиков повычеркивала, бабы без мужей маются. Чего тебе там делать?

— Спасибо, дед, но пойду. Ждут меня. Это моя собака лаяла в беседке. Значит и Кира там.

— Ну, дурак, паря! Никого же нет, только что рассказал! Ну, ладно, сходи, убедись. Потом возвращайся, меня знаешь, где найти. Я тут помогу обустроиться.

— Прощай, старик, — махнул ему и, рассчитавшись за пиво, вышел на улицу. У вокзала нашел мотоцикл, правда, водитель боялся ехать в сторону поселка, но уговорил, обещая, что обратно ждать не надо. Билет в один конец, значит.

Порой, ощущая за сушеной коркой реальности тонкий слой чего-то другого, необъяснимого, приходишь к выводу, что наша жизнь не так уж просто скроена.

Не все в ней поддается логическому пониманию. Всегда найдется нечто, что выпадает из привычного устройства механизма, как ни старайся его завинтить.

Антон Чиж. Пять капель смерти

Ингмар

Как и рассказывал дед, арка скособочилась. Под ней валялся фрагмент слова «Старая» и только указатель «мельница» плотно сидел на месте. За спиной услышал удаляющийся стрекот мотоцикла. Парень пытался отговорить, но видя мою непреклонность, сунул в руки пистолет, на всякий случай. Не стал оглядываться на мотоциклиста, пошел вперед. У меня есть цель. Проверил привычным жестом наличие патронов. Редкий случай, этот Токарев с двухрядной обоймой. Все пятнадцать были на месте.

Поймал себя на мысли — откуда мне это знакомо? Когда научился владеть оружием?

Зашел в поселок и увидел чистые улицы, опрятные дома. Появилось впечатление, что только вчера покинул это место. Но приглядевшись, заметил, что все вокруг словно подернуто паутиной. Мелкие трещинки на домах, запущенность, неухоженность палисадников и садов, серые занавески на давно немых окнах.

Смеркалось, поэтому поторопился. Дошел до дома Киры — калитка нараспашку, в доме никого нет. Побежал к себе, заглянул во все комнаты, зовя Марту, но ни звука в ответ, полная тишина. Посвистел, в надежде, что появится Дик. Напрасно.

Поднималось неприятное чувство. Страх переходящий в панику. На улице стремительно темнело.

Нашел керосиновую лампу, заправил ее из бутылки, стоявшей в шкафчике на привычном месте, зашел в комнату отца. Все как прежде, его бумаги, ручка на столе, заглянул в чернильницу, пусто, содержимое высохло. Отодвинув в сторону, поставил лампу и лег, не раздеваясь, на кровать.

Устал, но не мог уснуть. Мучили вопросы и страшная тоска, боязнь, что не успел, опоздал. В поселке явно никто не жил и достаточно давно. Куда делись люди? Ушли сразу после бомбежки? Но почему не вернулись? Где искать Киру, Марту? Живы ли? Откуда этот мистический страх у людей из райцентра? Байки? Верить ли деду Ефиму? Неужели ему было просто скучно, и он решил так развлечься, найдя благодарного слушателя?

Ни звука вокруг, ни шороха, только далекий шум морского прибоя.

Какой раньше здесь был запах! Пахло морем, жасмином, свежестью. Сейчас же — пылью, только пылью. И одиночеством.

Я один в этом мире. С чужим именем, потерявший себя, родных, любовь, веру. Как провел эти годы? Где был? Почему оказался среди живых? Кто я?

Точно знал, как умер. Помнил эту боль, разрывающую на части, крик Киры и серое

небо.

Почему оказался в госпитале и с документами на чужое имя? Мог только предполагать: война, враг — Германия, а у меня немецкая фамилия. Поменяли? Не знаю. Не помню.

Вспомню ли эти годы? И надо ли?

Нет. Не надо. Ничего не надо.

Утром, открыв глаза, не сразу догадался, где нахожусь. Огляделся — рядом никого. Тоска и разочарование обрушились невозможной тяжестью. Застонал с досады, поняв, что только что упустил сон. Всего лишь сон, где было легко и весело. Видел Киру, убегающую к морю, и соленый ветер трепал ее распущенные волосы, а она оборачивалась и, смеясь, подпускала меня ближе, и опять убегала. А я пытался поймать, но девушка увертывалась и опять смеялась. Счастье, любовь, нежность.

А тут серое утро и тоска.

Встал, заглянул в зеркало.

Щетина. Сколько же не брился? Сейчас надо. Обязательно. И чистое белье надеть.

Дождевая вода освежила, взял папину запасную бритву, тщательно выбрился. Несколько порезов. Пусть. Оставил все вещи в доме, пошел налегке, только пистолет непривычно оттягивал карман брюк.

Море все ближе, ноги вязли в песке.

Вот и беседка. Что с камнем сделается? Белый, нарядный. Резные колонны.

Ветер с моря раздул рубаху пузырем.

Застегнул ее на все пуговицы, тщательно заправил в брюки.

Прижался лбом к колонне, камень прохладный, еще не согретый солнцем, которое вот-вот должно появиться.

Вспомнил улыбку Киры, ее сияющие глаза, веснушки, рассыпавшиеся по щекам.

Как я хочу провести пальцами по ее коже! От ямочки на щеке, вниз по шее, переходя на загорелые плечи и дальше по руке, до самых кончиков пальцев. Ясно ощущаю, как она вздрагивает от этого движения, поднимает лицо вверх и вопросительно смотрит.

— Любишь?

— Люблю.

Закрывает глаза, тянется губами ко мне. Целую. Теплые, мягкие, податливые.

Не могу сдержаться, прижимаю к себе. А она не противится, льнет. Целую жарче, не в силах остановиться. Ее руки поднимаются и обхватывают мою шею. Ей на цыпочках стоять неудобно, поэтому, приподняв, ставлю на скамейку и уже Кира выше. Теперь я тянусь к ее припухшим губам...

Фантазия или былое?

За спиной шорох.

Моментально обернулся, на автомате достал из кармана брюк пистолет, который удобно лег в руку. Отработанным движением взвел курок, чтобы снять с предохранителя, приводя оружие в боевую готовность.

С изумлением никого не обнаружил, хотя продолжал слышать шорохи и легкие шаги вокруг меня. Что за наваждение? Перепрыгнул через парашют и встал за колонну, чтобы скрыться и иметь максимальный обзор. Осторожно огляделся. Никого. Чертовщина какая-то!

Вдруг над ухом услышал отзвуки эха, словно на парашюте кто-то стоял. Прислушался. Вот! Опять! «Аааа! Гааа!» И тишина.

Мороз по коже. Все чувства обострены до предела. Что это? Кто играет со мной в прятки?

— Кто здесь? Выходи, стрелять буду!

В ответ едва различимый вскрик и смех, множимый отражением от купола беседки. И опять тишина.

— Выходи! Считаю до трех и стреляю! Раз... Два... Три!

Первые два выстрела в воздух.

Тут черная тень, стремительно увеличиваясь в размерах, нападает и сбивает с ног.

Уже катясь кувырком с пригорка, произвел несколько хаотичных выстрелов.

Черт! Черт! Черт!

Кира

Обернувшись назад на движение за спиной, увидела, как пес приподнялся и застыл в настороженной позе, всматриваясь во что-то рядом со мной. Скосила глаза влево: тут только колонна и за ней никого нет!

Вскрикнула от неожиданности, когда Дик с места прыгнул на скамейку. Потом приподнялся и поставил лапы на парапет у моих ног. Его хвост отплясывал из стороны в сторону.

— Дурашка! Ты чего? — засмеялась я, спускаясь вниз, — Здесь же никого нет!

Протянула руку, чтобы погладить его по голове, и увидела то, от чего замерла: стрелка на часах дрогнула и отсчитала первую минуту! Пять часов шестнадцать минут!

В это же мгновение Дик рванул через парапет. Это было так стремительно, что он превратился в одно сплошное черное пятно. Тут же последовали два громких хлопка. Выстрелы? Здесь? Откуда?

А собака катилась кубарем вниз, и ее визг перемежался другими выстрелами.

Я, ничего не понимая, спряталась за колонну. Выстрелы прекратились, и меня удивило, нет, ошарашило, поведение пса. Он визжал, выл, скулил, но не от боли. Это была... радость?!

Ингмар

Лежу на земле и мое лицо лижет... Дик?! Отскакивает, визжит, воеет, пляшет лапами по груди и опять лижет!

Крякаю от натуги, пытаюсь согнать пса, уже невозможно дышать, потом просто обхватываю лохматую скотину и прижимаю к себе, чувствуя частое дыхание у моего уха.

Загораживая восходящее солнце, появляется еще одна фигура. Пока не могу рассмотреть кто это, поэтому прищуриваю глаза.

Растерянное, но такое родное лицо, по которому градом катятся слезы. Кира!

Протягиваю руку, и она падает сначала на колени, а потом уже обнимает меня, уткнувшись лицом по другую сторону моей головы. Рыдает.

Так и лежим. Я снизу, с одной стороны на мне повизгивающая собака, с другой плачущая Кира. А над нами стремительно поднимается солнце. Счастье!

Что русскому хорошо, то немцу — смерть

Пословица

Наше время

Ветер треплет листы газеты, оставленной кем-то на пляжной скамейке. Очередной порыв, и она разворачивается. Еще один — и газета подъезжает ко мне по гладким рейкам, как скоростной поезд по монорельсу.

Снимаю темные очки и скашиваю глаза на броский заголовок «Тайна века! Интервью с человеком, открывшим аномальную зону».

Хмыкаю. Тайна века! Сколько сейчас бульварных изданий старается привлечь внимание читателей разными уловками. Лениво переворачиваю двумя пальцами страницу, чтобы посмотреть название газеты. «Приморский вестник» № 28 дата 12 июня 2014 года. Местная. Довольно свежая. Заняться все равно нечем, жду Наташку, которая как всегда провозится, поэтому беру «Вестник» в руки, начинаю читать.

Перескакиваю с абзаца на абзац, опуская подробности, которыми не хочу забивать голову. Понятно, что журналист берет интервью у местного энтузиаста-краеведа, собирающегося в экспедицию в аномальное место, называющееся «Старая мельница». Вот после этого упоминания я заинтересовался.

О «Старой мельнице» говорил мой дед в связи с необычным случаем, произошедшим с ним сразу после войны, он тогда только вернулся с фронта. Взяв с ремонта свой мотоцикл, собирался обкатать его и решал в какую сторону лучше ехать. Тут подошел человек и попросил отвезти до приморского поселка. В городе об этом поселке болтали всякое, но суть была одна — место нечистое, страшное. Дед отказывался, мужик настаивал. Короче, повез, но с условием, что ждать парня не будет.

Когда подъехали и увидели искореженную арку, дед испытал приступ ужаса, словно перед ним были открытые врата в преисподнюю. Пытался отговорить, но парень уперся. Ждал там кто-то. Жаль было деду расставаться с пистолетом ТТ, который ему фронтовой друг подарил, но отдал, у бедолаги такая тоска в глазах светилась. И кто мог назначить встречу в этом гиблом месте? По тому, как взял пистолет, проверив на предохранителе тот или нет, дед понял, что служивый умеет обращаться с Токаревым. Это немного успокоило.

Уже находясь дома, дед не мог найти себе места. Перед глазами стояла одинокая фигура парня на фоне заброшенной дороги, ведущей в неизвестность. Ругая себя, что оставил фронтовика одного, еле дождался утра. Только светало, когда он уже ехал в сторону «Старой мельницы».

На скорости проскочив арку, притормозил в центре поселка — у магазина. Оглядевшись, не мог понять в какую сторону двигаться. Заглушил двигатель и тут четко услышал со стороны моря два выстрела, потом еще череду.

Проскочив в минуты расстояние до околицы, остановился. Дальше ехать невозможно — начинался песок, поэтому пошел, прикрываясь рядами деревьев, растущих вдоль пляжа. Пусто. Только ветер и косые лучи поднимающегося солнца. Слева белела на возвышенности мраморная беседка. Поднялся к ней, чтобы оглядеться.

Прошелся по кругу раз, два — ни души! Стал более внимательно вглядываться и увидел черный предмет, полузарывшийся в песок. Пистолет! К нему вела борозда следов, будто человек кубарем летел от беседки.

Дед повторил этот путь, аккуратно спустившись вниз. Вытащил из песка Токарев, проверил обойму. Осталось всего девять патронов. Что особо его поразило — в этом месте следы обрывались. Вот отпечаток спины и все. Будто человек взлетел! Он даже не встал, взлетел с положения лежа!

Оглядевшись еще раз, заметил легкую дымку, расходящуюся кругами, которую рвал на лоскуты ветер.

Для деда так и осталось загадкой, куда делся парень. Вспомнив, что у того была шинель и вещмешок, вернулся в поселок и стал методично обходить пустующие дома. На первой же улице ему повезло, в пятом доме на крючке у двери висела шинель, а в комнате на столе лежал вещмешок с нехитрым солдатским скарбом и документами на рядового Боргова Игоря.

Почему я запомнил фамилию? Будучи студентом, по просьбе деда, стал искать данные на этого солдата. До сорок третьего года человека с такой фамилией будто и не существовало. Позже обнаружил сведения, что он участвовал в освобождении Кенигсберга. Сапер Боргов был приписан к взводу, входящему в состав штурмовых групп стрелкового корпуса 3-ей Белорусской армии. Есть отметка, что Боргов получил контузию и страдал ретроградной амнезией. Для интереса посмотрел, что за диагноз. У парня была потеря памяти после полученной травмы головного мозга. Эта амнезия характеризуется тем, что человек не помнит о событиях, произошедших до получения травмы, но помнит о совсем давних.

Когда я выложил это деду, он задумался, вертя в руках очки, которые только что снял с носа.

— Да, бедняга, — сказал через некоторое время, — трудно найти себя в незнакомом мире. Но память постепенно вернулась бы, я встречал таких ребят. А вот о фамилии... Почему до определенного момента не существовало человека с именем Игорь Боргов? Не думаю, что здесь нужно говорить о мистике — не было парня, а тут взял и появился. Скорее всего, дело в смене фамилии. В моем взводе был еврей с фамилией Сидоров, он специально ее поменял, женившись на русской, хотел поступить в аспирантуру, но для евреев были ограничения.

В советское время существовало такое понятие, как «пятая графа», то есть национальность, и многие делали невозможное, чтобы в этой графе значилось русский, украинец или белорус, меняя соответственно фамилии. Малым народностям Советского Союза, к коим можно отнести евреев, немцев, крымским татар, приходилось приспособливаться, иначе не выжить. Нельзя было занимать руководящие должности, если ты не в партии, но туда не примут, если ты «чухна» или «талапанец». Вот и шли на всякие хитрости.

Парень не был похож на русского, думаю, он из Прибалтики, скорее всего даже немец, вот и появился однажды русский Боргов вместо, ну например, Бормана. Кстати, явно переделанная фамилия.

А знаешь, что уже в августе сорок первого уничтожили Автономную республику немцев Поволжья, а их жителей, около четырехсот тысяч, депортировали в Казахстан и Сибирь. Они заведомо подозревались в предательстве! У нас в сорок втором отозвали с фронта

командира, блестящего офицера с немецкой фамилией Шнитке. Финны, венгры, немцы, живущие в прифронтовой зоне, тоже были депортированы. Массовое насильственное переселение народов в заведомо невыносимые условия жизни.

Вот и здесь, думаю, парень переделал документы, иначе ему на фронт нельзя было бы попасть. Жаль, что ты так и не узнал, куда он делся в июне сорок пятого. Это мучает меня.

Дед умер, но интерес к Боргову и его судьбе у меня остался, поэтому стал внимательно читать статью. Может она приоткроет завесу тайны его исчезновения?

Некто Погожин Никита Сергеевич, утверждал, что на месте бывшего поселка «Старая мельница» существует аномальная зона. Об этом говорит множество фактов, которые он тщательно обрабатывал последние годы. Его мечтой было организовать экспедицию, но на любую затею нужны средства. Краевед обращался к властям, как местным, так и московским, но с их стороны интереса к пяточку земли не было. Отписывались, отговаривались, а то и напрямую намекали, что с его теорией можно загреметь в сумасшедший дом.

И вот, спонсор для экспедиции найден! Это бизнесмен Куприянов, который занимается застройкой побережья.

В конце коротенькой статьи журналист обещает следить за работой экспедиции, начало которой назначено на двадцать второе июня.

Я решил встретиться с краеведом и рассказать историю, произошедшую с моим дедом. Может это поможет ему в расследовании.

C' est la vie

Французская поговорка

Что французу хорошо, то может привести и его, и русского к смерти

Изречение купчихи Соловьевой

Знакомство Погожина с бизнесменом состоялось несколько лет назад, когда Куприянов получил разрешение построить развлекательный комплекс с несколькими гостиницами, ресторанами, кафе на участке, где до войны был поселок «Старая мельница». Байки, гуляющие в народе об этом месте, предприимчивого человека не волновали.

— Снесем развалины на мысе, там сделаем смотровую башню с кафе, которое так и назовем «Маяк». На месте, где стояла когда-то мельница, построим ресторан. Старые жернова целы? Обыграйте это в интерьере! Сколько им лет? Какова история? Ее тоже можно вплести, чтобы заинтересовать туристов.

— Для этого вызвали краеведа, — представил Погожина референт, — Никита Сергеевич, расскажите, пожалуйста, что вы знаете о месте будущей застройки?

— Мельница появилась в начале девятнадцатого века, — начал, волнуясь, человек в крупных очках, — она принадлежала купцу Соловьеву, который, кроме деловой хватки, отличался экстравагантным поведением. Он в тысяча восемьсот двенадцатом году притащил в свою летнюю усадьбу пушку, брошенную французами при отступлении. Ему захотелось иметь собственный потешный гарнизон. Для этого он с собой привез канонира-француза, чтобы тот обучил его людей строевому шагу и умению обращения с оружием. Мечтал, чтобы пушка производила залп всякий раз, как он с семейством будет появляться в резиденции. Ну и по знаменательным датам.

И вот в один из дней Соловьев решил продемонстрировать, как стреляет пушка, которую выкатили на мыс, где позже появился маяк. В сторонке робко мялись поставленные в строй крестьяне, а купчиха с детьми вышла на балкон резиденции и уселась в вынесенные кресла.

Встав у пушки, Соловьев проследил, как канонир забил заряд, а потом сам поднес горящий факел к фитилю, но ничего не произошло. Канонир и его пара «солдат» забегали вокруг пушки, купец же раздавал затрешины направо и налево, но ничего не помогало. Пушка молчала.

Купчихе с детьми надоел этот цирк, она ушла в дом, крестьяне тоже быстро разбежались, только доктор стоял в сторонке и наблюдал это действие. По его отчетам в управу благочиния и была составлена картина произошедшего.

Через некоторое время пушка все-таки выстрелила, и появившийся дым окутал ту четверку, что была возле нее. Лекарь от испуга лег на землю и закрыл голову руками, потому как летели комья земли, щебень и острый кусок камня рассек ему руку. Пока возился с раной, со стороны берега послышались тревожные крики.

К моменту, когда крестьяне и доктор добежали до мыса, дым уже не был таким

плотным, и они с удивлением обнаружили, вернее так — НЕ обнаружили ни пушки, ни людей. Те словно испарились. Перерыли — пересеяли весь песок вдоль кромки моря, ходили за мыс, ныряли в море, но так и не нашли никаких доказательств, что пушка и люди были в этом месте. Приезжал частный пристав с воинской командой, опрашивали свидетелей, но дело было закрыто, так и не установив истины.

Купчиха Соловьева в горе занемогла и вскоре преставилась, а дети, ненавидя это место, больше ни разу в усадьбе не появлялись, и вообще словно забыли о ней. Мельница еще работала какое-то время, потом и она была заброшена, как и усадьба, которую растащили местные крестьяне по бревнышку. От того времени осталась только беседка, построенная при жизни купца итальянским мастером из белого мрамора, привезенного специально из далекого города Каррара. Его сорт так и называется Бианко Каррара за необыкновенный сахарно-белый цвет. Беседку не тронули, тогда люди тоже ценили красоту. Она и поныне стоит, только ей требуется реставрация.

— Простите, ммм, — Куприянов замялся, но после подсказки референта продолжил, — Никита Сергеевич, спасибо за интересный рассказ, его тоже можно обыграть в рекламе, но мне не хотелось бы, чтобы с местом отдыха были связаны страшные события. Поэтому прошу не распространять байки об исчезновении людей.

— Не думаю, что это байки. Есть сведения, что исчезновения продолжаются вплоть до нашего времени. Я довольно давно изучаю это место и выявил ряд связанных друг с другом событий, подтверждающих аномалию этого участка. Поэтому, я бы хорошо подумал, прежде чем делать большие вложения в строительство комплекса.

— Не хочу обидеть вас, Никита Сергеевич, но давайте, каждый будет заниматься своим делом, — с любезной улыбкой, но с холодом во взгляде произнес бизнесмен.

На этом участие Погожина в совещании было закончено.

Он несколько раз порывался встретиться с Куприяновым, даже написал ему письма, но все было безрезультатно. Строительство началось. О ходе работ краевед узнавал от соседа. На днях собирались проводить взрывные работы на мысе, чтобы снести башню старого маяка, частично обрушенную в военное время. Поэтому Погожин направился в строительную компанию, чтобы предупредить бизнесмена. Он чувствовал — кризис назрел.

В кабинете у Куприянова кричали. Телефоны разрывались, референт бегал туда-сюда, люди выходили от начальства кто с красным лицом, кто с бледным.

Заработал селектор и возбужденный голос произнес, — Федя, найди Пригожина. Срочно!

Референт ошарашено уставился на краеведа и трясущимися руками нажал кнопку аппарата.

— Он ждет.

— Болван! Говори внятно, где ждет? Кого ждет? — и уже тише, — Ничего не понимаю.

Погожин не стал ждать объяснений, открыл дверь и зашел в кабинет. Увидев его, Куприянов поднялся и велел всем выйти. Дождавшись, когда дверь закроется, жестом показал куда сесть, а сам, открыв зеркальный шкаф, оказавшийся холодильником, плеснул в стакан желтой жидкости из пузатой бутылки, добавив пару кубиков льда. Показал на бутылку краеведу, спрашивая этим, не налить ли ему тоже. Получив отрицательный ответ, прикрыл дверцу и отошел к окну. Помолчал, смакуя виски, чей запах уловил гость.

— Что вы там говорили о странности участка «Старая мельница»? Признаюсь, я не могу этому поверить, но должен знать, что происходит, найти нормальное объяснение и

продолжить строительство.

— Олег Владимирович, давайте так. Я не буду давать оценку происходящему, просто выложу имеющиеся данные, которые накопил, изучая аномалию этого места, — проговорил Погожин, расстегивая портфель и вытаскивая картонную папку с завязками. Увидев кивок Куприянова, который так и не повернулся к нему, а продолжал смотреть в окно, краевед продолжил.

— Я заинтересовался этим местом лет десять назад, когда услышал еще об одном (кроме происшествия с купцом Соловьевым) необычном случае, произошедшем в море напротив беломраморной беседки. Начало девяностых, свадьба. Невеста выдвинула условие, что они с женихом обязательно должны посетить беседку, которая связана с двумя влюбленными, разлученными войной, но нашедшими там друг друга. Откуда она узнала о беседке и влюбленных, установить не удалось. К тому времени, как я начал вести расследование, участники этой истории разъехались по миру.

Итак, молодые и сопровождающие прибыли по морю, на катерах. Один, поменьше, причалил к берегу, другой остался на воде. Когда влюбленные вошли в беседку и обменялись клятвами на глазах у свидетелей. Человек, оставшийся на воде, выстрелил в воздух из ракетницы. Красный шар взметнулся в небо, отсалютовав жениху и невесте. Но когда все опустили глаза, увидели вокруг катера туман, который, впрочем, вскоре развеялся. Но катера не было! Никто не слышал шум работающего двигателя, на воде не было обломков, море было спокойным и ныряльщики не увидели никаких признаков аварии. Свадьба была испорчена, пришлось вызвать милицию, которая никого не отпускала до ночи. Я читал протоколы. Молодого человека так и не нашли, он до сих пор числится пропавшим без вести. Следователь Краснихин, нынче пенсионер, оказался начитанным человеком, знающим свой край. Вот он и поделился, что это не первый случай исчезновения людей у старой мельницы. По его наводке я стал рыть архивы.

То, что обнаружил, уложилось в систему — это место аномально и возмущение происходит именно из-за применения оружия!

Как скушен и безлик был бы мир без загадок.

Лекарь: Ученик Авиценны (The Physician)

— Смотрите, вот что было найдено в архивах, где, в том числе, хранились немецкие документы времен оккупации! — нервничая, что собеседник по-прежнему стоит к нему спиной, продолжил Погожин. Но Куприянов даже не повернул голову, только в руке подрагивал стакан, позвякивая кубиками льда.

— Факт первый: Во время войны не вернулся отряд фашистов, уехавших обследовать поселок «Старая мельница». Их сопровождал местный житель — сапожник Ефим, который тоже пропал. Фамилия в докладных не указывалась. В комендатуре заволновались только к концу третьего дня, когда вышли все сроки. Был организован карательный отряд, потому как подозревались партизаны. Отряд обследовал поселок, но кроме пяти пустых мотоциклов у арки ничего обнаружить не удалось! Да, по обеим сторонам дороги нашли следы от гранат, были разбросаны стреляные гильзы от немецких автоматов и все! Ни трупов, ни крови. Конечно, ничего странного в этом вроде бы нет. Война, партизаны могли взять фашистов в плен. Но почему были оставлены мотоциклы, в которых лежало нетронутым оружие? Если был бой, то где трупы, следы крови и гильзы от оружия партизан? И к тому же в деле был подшит протокол, на котором стояла виза, что необычные показания солдат не следует отправлять в центр, так как они дали их в состоянии аффекта. Я стал рыть дальше и обнаружил докладную, что в месте поиска, у арки все присутствующие слышали обрывки немецкой речи и крики, но никого не было видно! Так и написано: «Крики доносились, будто из преисподней».

Факт второй: После войны в милицию были принесены вещи и документы на имя Игоря Боргова, который отправился в поселок «Старая мельница» на назначенную встречу. В районе беседки была стрельба, и, человек, кинувшийся тут же на подмогу, не нашел никого, кроме брошенного пистолета! Были организованы поиски, но ничего прояснить не удалось. Боргов как сквозь землю провалился!

С помощью Краснихина я вышел на человека, который был в группе, занимавшейся поиском Боргова. На момент встречи со мной ему было за восемьдесят, но старик хорошо помнил этот день. То, что он рассказал, нигде не фиксировалось — так решило начальство. Все они, находясь у беседки, слышали музыку, смех и обрывки разговоров. Он давал руку на отсечение, что пели Катюшу! Но никого кроме опергруппы в радиусе ста метров не было!

Факт третий: Здесь, конечно вы можете мне возразить, и, скорее всего, будете правы, но я расскажу и отдам на ваш суд, принимать это за факт или нет. Вы знаете местного барда со сценическим псевдонимом Лука? Он поет интересные песни и даже утверждает, что часть из них есть в репертуаре знаменитого столичного певца.

Куприянов, наконец, оторвался от созерцания природы за окном, сел напротив краеведа и поставил пустой стакан на стол. Заглянув в глаза бизнесмена, Погожин заметил, как смертельно устал этот человек.

— Не обижайтесь, что стоял к вам спиной, если бы сел, то, скорее всего, не смог выслушать, уснул. Уже вторые сутки, как не сомкнул глаз ни на минуту. А морской пейзаж за окном умиротворяет, я часто смотрю на него, — Куприянов потер лоб, взъерошив волосы,

отчего стал похож на мальчишку, каким, по сути, и был. Ему было всего тридцать пять, тогда как Погожину шестьдесят.

— Продолжим, Никита Сергеевич. Что там о певце?

— Юрий Лукин отличается тем, что все его песни, как это теперь говорят, хиты. Вы знаете, что некоторые певцы выезжают на одном хите, который исполняют всю жизнь, а тут несколько! Пока он пел в узком кругу, все было хорошо, спокойно, но кто-то отправил запись с песнями в Москву. Буквально через неделю приехал человек к Юрию и предложил большие деньги, отобрав большинство песен лирического характера. Лука согласился, но просил не указывать его, как автора. Это смутило москвича, кто же тогда автор? Ответ барда его убил. Оказывается, космос. Юрий поделился, что слышит голоса. Техника их не улавливает, поэтому Лука музыку со словами либо запоминает, либо на бумагу пишет.

Выслушав это, москвич на следующий день выписался из гостиницы. А теперь под другим именем выпускает альбом за альбомом. Юрий начал права качать, а на него поступило заявление, мол псих и деньги вымогает. Забрали Луку, но долго в полиции не держали, как слышали о космических голосах, в психбольницу определили. А ему что? Поет по-прежнему. Только однажды обмолвился, что голоса поют у старой мельницы. Никто на это внимание кроме меня не обратил.

Я с ним раз десять выезжал, сидел в той самой беседке, но ничего не услышал. А он и расстроен не был. Да, не всегда слышно, говорит, но бывает, особенно летом. Главное система. И спел мне последнюю песню, которую там слышал, но никому еще не показывал. Я ее записал, проверил на плагиат. Результат — сто процентная оригинальность! А позже, месяца через два, эту песню уже столичный певец по телевизору исполнял. Вот так вот!

Эти факты вкупе натолкнули меня на мысль: а что, если этот аномальный участок есть разлом между параллельными мирами, ну, или, скажем, зеркальными? И пропавшие люди просто перемещаются туда? Такое впечатление, что в этом месте сходятся кромками два мира, поэтому признаки второго прорываются в виде звуков, песен, голосов. И если песни разнятся, то думаю, что параллельный мир имеет свой путь развития, отличный от нашего! Осмелюсь предположить: может и не два их, а больше? Могу вообразить, что существует несколько параллельных миров! А почему нет? Представьте, зеркальную комнату, и в каждом зеркале есть ваше отражение. Сможет ли, сторонний человек определить, за каким из зеркал находитесь вы, а не ваш двойник? Фантазия подталкивает к гипотезе — может и наш мир параллельный, а где-то есть исходный?!

Куприянов, устало положил локти на стол, и закрыл свое лицо ладонями.

— Давайте на этом остановимся. Не нужно будить вашу фантазию. Я дам деньги на экспедицию.

Погожин не верил своим ушам. Свершилось!

— Как быстро можно начать работы? — продолжил бизнесмен, отнимая руки от лица и превращаясь в руководителя, — Если что-то из техники или приборов нужно закупить, беру на себя, из любого уголка мира доставлю.

— Ну, если так, то месяца через три можно начать.

— Через месяц. Дайте список, уже завтра сделаем заказ.

— Простите Олег Владимирович, а почему такая спешка? Спасибо, что вызвались спонсировать исследования, но не могу не спросить. Недавно вы и слышать обо мне не хотели, что изменилось?

— Хочу снять ореол таинственности. Это мешает делу. Все строительные работы будут

заморожены на месяц. Думаю, вам хватит этого времени. Я бизнесмен и не могу терять деньги, поэтому такие жесткие сроки. Если обнаружите что-то «чудесное», то мне нужно знать границы аномального участка. Утром жду список людей, участвующих в вашем проекте. Если нужны специалисты, ученые — обращайтесь, не тяните. Также хочу ознакомиться с планом работ, надеюсь, вы готовы его предоставить?

— Да, конечно, у меня с собой, можете скопировать, там же список оборудования и приборов. Нужно связаться с теми, кто выразил готовность принять участие.

— Так, значит, двадцать второго июня я закрываю этот участок, и доступ получают только те, кто в списке. До свидания, Никита Сергеевич.

— И все-таки, что случилось?

— Рабочие утверждают, что слышали голоса. И песни.

Никаких загадок больше нет. Все бывает — вот и вся мудрость

Роберт Музиль. Душевные смуты воспитанника Терлеса

— Натаха, как же я тебя люблю! — поцеловал девушку в курносый нос, — Вставай, засоня!

Та с недовольным стоном перекатилась на противоположный край постели, невольно заворачиваясь в простыню, как в кокон, стаскивая ее с меня.

Пришлось встать и нести ее в ванную на руках. Она начала было сопротивляться, но запуталась в ткани. Шагнул в душевую кабинку вместе со своей ношей. Простыня под тяжестью бьющей воды стала сползать и открыла мое сокровище — загорелое, аппетитное, с ямочками на щеках, локтях и попе.

— Сумасшедший, — проговорила девушка, убирая намокшие волосы с лица. Хотела еще что-то добавить, но не дал, накрыв ее губы поцелуем. Сладкая, юная, моя невеста.

Позже, пока Наташа сушила волосы феном, связался с редакцией газеты и узнал у журналиста, что Погожина в городе нет, выехал в «Старую мельницу», хотя официально экспедиция начнется только завтра. Посторонние допускаться на этот участок не будут, значит, нужно сгонять сегодня.

— Ну, ты же обещал, что весь день будешь со мной, — капризно поджала губы, — так не честно! Ты специально бежишь, боишься встретиться с моими родителями!

— Натуля, чего ты выдумываешь? — наклонившись, чмокнул ее в голову. Встретившись с ней взглядом в зеркале, перед которым она сидела, произнес, — Я смотаюсь только туда и обратно, к вечеру буду здесь.

Красавица, ярко улыбнувшись, скинула халатик с одного плеча.

Черт, она это специально! Опустил глаза, чтобы застегнуть ремень на джинсах, которые вдруг стали тесными.

— Не заводи меня! — вернулся взглядом к зеркалу, откуда на меня смотрела довольная Наташка. Халат лежал у пуфика голубой волной.

Ммм, у нее шикарная грудь...

К черту поездку!

Мои джинсы составили компанию халату.

— Хочу от тебя детей.

— Ммм? — открыл глаза.

— Не пугайся, я продолжаю пить таблетки. И не надо нотаций, что слишком молода, нужно учиться, я помню, — подняла с пола трусики. Нервничает.

— Я боюсь тебя потерять, — отвернулась к зеркалу, расчесывая волосы и собирая их в хвост.

— Я не потеряюсь, обещаю.

Подошел сзади и крепко прижал к себе. И повторил, — Обещаю.

Вечером встреча с родителями Наташи, заказано место в кафе. Решил смотаться в «Старую мельницу», до семи по любому успею вернуться. Неизвестно сколько по времени продлится экспедиция, а у нас через месяц свадьба. Нужно рассказать историю деда Погожину сейчас, чувствую — это важно.

Нашел место строительства сразу, хотя арки с названием поселка уже не было. Широкая дорога, укатанная машинами, вывела к вагончику, у которого стояли люди в белых касках. Остановил машину и поинтересовался, где можно найти краеведа.

Пожилой мужчина, осмотрев меня, вскинул руку, — Туда иди. Машину оставь, не проедешь. Каску надень, — сняв с крюка красную, видимо гостевую, протянул мне.

Пошел в указанную сторону мимо экскаваторов, бульдозеров, строительного мусора, перепрыгивая через вырытые траншеи, ступая по брошенным через глубокие канавы доскам. Неожиданно открылось свободное пространство с одинокой беседкой из белого мрамора. В ней сидел человек и смотрел на море.

— Никита Сергеевич? — спросил я, поднимаясь к нему.

Человек не ожидал вопроса, поэтому вздрогнул.

— Да? — тревожно спросил он, и надел очки, которые держал в руках. Сразу стал похож на маститого ученого, чей образ так любили показывать в советских фильмах.

— Меня зовут Александр, я читал о вас в газете, и мне есть, что рассказать об этом месте.

Он быстро поднялся и шагнул навстречу, протянув руку для пожатия.

В этот момент послышались крики со стороны вагончика. Обернувшись, я увидел, что люди бегут прочь от пламени, которое взвилось над одним из контейнеров.

Мы так и стояли, взявшись за руки в приветственном жесте, когда раздался взрыв. Вихрь из огня, камней, песка закрутил нас в воронку и ослепил.

Когда я открыл глаза, обнаружил себя лежащим на полу беседки, на мне распластался Погожин. Над нами склонилась рыжая девчонка, которая с любопытством рассматривала обнявшихся мужчин.

— Ого! Вы откуда такие взялись? — спросила она ошарашено.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

* * *

«Приморский вестник» № 30 дата 24 июня 2014 года.

... 21.06.2014 г. произошел взрыв на строительной площадке комплекса «Старая мельница»...

... привлечен к ответственности главный инженер стройтреста № 59 Гаврилов И.М...

... нарушена техника безопасности, правила хранения взрывчатых веществ, предназначавшихся для сноса маяка...

... без вести пропавшие, в том числе краевед Погожин Н.С. и местный предприниматель Горошко А.В., личность которого установили по документам, оставленным в машине...

... отмечалась большая задымленность участка, больше похожая на плотный туман...

... место происшествия оцеплено...

... стройка законсервирована на неопределенный срок...

... строжайшая секретность...